

# КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ  
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**L'adresse de l'administration: 10, rue de Plelo, Paris (15<sup>e</sup>)

№ 5/29

МАЙ 1936.

№ 5/29

## СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — Дела кавказские.

\*\*\* — За последний месяц.

Доминик Миль — Конференция Балканской  
Антанты.Шалва Амиреджиби — «Армяно - Грузинский  
Унион».Д. Дагестани — Еще о «Ленинской националь-  
ной политике».

3. Авалишвили — Читая газеты.

Генерал Муса-паша Кундухов — Воспоминания.

В. Оленин — Великий всероссийский обман.

Генерал Одишелидзе — Роль грузинских мев-  
шевигов в подготовке к войне 1921 г.

Обзор печати.

Ибрагим Аргейд — Письмо в редакцию.

Хроника.

29 мая 1936 г.

**1918-1936** 18-ая годовщина провозглаше-  
ния независимости Кавказских

Республик застаёт нас на старых позициях не-

примиримости и борьбы.

Каждый год, проведенный нашими наро-  
дами в советском плену, только глубже разры-  
вает пропасть между нами и красной Москвой,  
только ярче разжигает в наших сердцах огонь  
священной ненависти к поработителям нашей  
Родины.

Власть чужеземцев, коварством, насилем  
и кровью оккупировавших нашу страну нам

сейчас еще противнее, чем в прошлые годы.

Е праведному гневу, который кипел в нас  
до сих пор за этот год присоединилось чувство  
безграничного презрения и гадливости.

За этот именно год, больше чем за все  
истекшие годы, познали мы, что нет такой  
бездны морального падения, лжи и обмана, че-  
рез которую «легко и играя» не перешагнула  
бы Москва, когда это ей нужно.

Нет такой измены своей собственной док-  
трине, такого предательства собственных при-  
ципов, перед которыми остановилась бы Мос-  
ква в поисках спасения от нависшего над ней  
Дамоклова меча истории.



Лихорадочно сжигая все, чему еще вчера поклонялась, Москва низко склоняется сейчас перед всем тем, что на протяжении 19 лет она так сладострастно олеивала и топтала в грязь, что с такой свирепой жестокостью распинала, терзала и уничтожала...

Но новая личина Москвы может обмануть кого угодно. Не нас!

Мы отлично знаем цену этому маскараду: и возрожденному, ради максимальной рентабельности пушечного мяса, культу Родины и

малпному звуку оживших московских колоколов. Для нас ничто не изменилось. Наша Родина попрежнему оккупирована врагом. Перед нами те же задачи, что стояли и в первый день после невольного исхода из нашей страны... Борьба продолжается.

Мы не сложим нашего оружия до тех пор, пока Кавказ не освободится от ненавистного ига чужеземца, пока не обретет он своей полной свободы и независимости, пока не станут наши народы единственными и полновластными хозяевами своих судеб.

**НЕЗАВИСИМАЯ ГРУЗИЯ** Телеграф принес известие, что кремлевская власть решила предоставить Грузии «независимость».

Никому из наших читателей не придет конечно в голову, что сидящий на советском престоле «чудесный грузин» решил подарить своей «орденоносной» родине право использовать 4-ую статью союзной советской конституции и отделиться от России. Речь идет о «независимости» не от России, а от Азербейджана и Армении, с которыми вместе Грузия входила в состав Закавказской федерации.

О монаршей милости Грузии в кавказской эмиграции много толков. Некоторые недоумевают. В чем дело? Зачем это понадобилось?

Лидеры меньшевиков, говорят, многозначительно ухмыляются и тем из своего немногочисленного стада, которых «в детстве уронила мяня», стараются внушить, что этим «достижением» Грузия обязана их закулисной работе на линии 2-го Интернационала.

В армяно-грузинских кругах из нового «Униона», конечно, ищут турка. Турция, видите ли, собирается использовать будущие затруднения своей северной союзницы и потребовать передачи ей Батума... на основании

Брест-Литовского договора. Вот СССР и решил по этому случаю спрятаться за спину Грузин: Батум принадлежит Грузии. Грузия не только не заключала Брест-Литовского договора, но даже протестовала против него. Моя хата с краю — и ничего не знаю... Удивительно тонкие юристы обретаются повидимому в этом «Унионе»...

Однако, оставим шутников из меньшевистского центра и Армяно - Грузинского Униона, предаваться их невинным забавам. Если вдуматься в значение проектированной меры, которая очевидно повлечет за собой и «независимость» Азербейджана и Армении и непосредственное подчинение Москве и этих двух республик — придется признать, что проектированная мера наносит серьезный удар Грузии и всему Кавказу.

Идея кавказского единства и неразрывности многообразных уз, связывающих народы Кавказа в единую семью, сделала за последние годы громадный успех. В конце Бюллетеня «Армяно-Грузинского Объединения», помещенного нами в «Обзоре Печати», читатели найдут, взятые из советской прессы, поразительные примеры, свидетельствующие о развитии кавказской солидарности. Находя-

ние закавказских народов в единой административной единице — даже в такой несовершенной форме, как в Закавказской Федерации — не могла конечно не способствовать естественному процессу постепенного изживания некоторых бытовых противоречий и цементированию в одно политическое и экономическое целое трех закавказских народов.

Мера, намеченная Москвой, продиктованная классическим рецептом: разделяй и властвуй — направлена по нашему мнению прежде всего к политическому и экономическому ослаблению Закавказской Федерации, к которой неудержимо тяготеют автономные республики и области Северного Кавказа.

Формальное повышение в чине Грузии, путем включения ее в число Союзных Республик

(наряду с Украиной, Белоруссией, Узбекистаном, Туркестаном и Таджикистаном) будет иметь фактическим последствием весьма реальное ослабление ее компетенции удельного веса и соответствующее усиление Москвы.

Нужно отдать справедливость Кремлю: — сделанный им ход не лишен ловкости. Большевиканствующая Европа и 2-ой Интернационал, верным членом которого пребывает до сего дня «Грузинское правительство в изгнании», — смогут лицемерно отмахнуться от национальных притязаний Грузии — дали вам независимость, чего же вам еще? — С другой стороны сделан новый важный шаг в деле фактической централизации страны, к которой медленно, но твердо и неуклонно идет в последнее время Москва.

#### АРМЯНО- ГРУЗИНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

В февральском (№ 26) номере нашего журнала мы имели случай привлечь внимание наших читателей на довольно опасную, с точки зрения общих интересов Кавказа, игру, затеянную некоторыми грузинскими и армянскими кругами и направленную к тому, чтобы создать сепаратное армяно-грузинское объединение (с ударением на специфических армяно-грузинских интересах), вне всеми нами приветствуемого и проповедуемого общекавказского политического центра. Статью нашу, вызвавшую немалую тревогу в азербайджанской и горской эмиграции и много писем и запросов, прессы так называемого «Грузинского Национального Центра» обошла молчанием. Не проронил ни звука и обычно весьма внимательный к нам официальный орган грузинских меньшевиков «Брძოლის ზმა». Правда армянская печать в лице газеты «Усабер», на которую мы сослались, коснулась нашей статьи в нескольких

словах в передовице, посвященной недавно прочитанному кн. Вачнадзе докладу «О положении Грузии между Севером и Югом». — Выдержки из этой статьи читатели найдут в нашей рубрике «Обзор Печати».

Молчание грузинской печати из «Прометеевского фронта», по видимому не было случайным. Ниже наши читатели прочтут воззвание к армянскому и грузинскому народам, подписанное каким то «Армяно-Грузинским Объединением». Воззвание это раздавалось лицам присутствовавшим на панихиде, устроенной, в воскресенье, 24 мая, в Армянской Церкви в Париже, в память грузинских и армянских воинов, павших в борьбе за независимость. На панихиде присутствовали некоторые влиятельные члены армянской партии «Дашнакцутюн» и все видные представители грузинских меньшевиков, вместе с некоторыми сотрудничающими с ними грузинскими национал-демократами.

Воззвание затрагивает наиболее острые и сложные проблемы кавказской жизни. Наме-

чаемые им пути их разрешения чреваты для Кавказа такими грозными потрясениями, что мы вправе потребовать, чтобы люди в столь тревожный исторический момент берущие на себя ответственность за такую «смелую» программу не скрывались за полуанонимным «Унионом», а выступили с поднятым забралом. Грузинский Центр, подписавший в Брюсселе «Пакт Кавказской Конфедерации», которому со всех точек зрения, конечно, грош цена, но который как будто свидетельствует о воле его авторов строить не двухчленный, а четырехчленный конфедеративный Кавказ на началах равенства и братства входящих в его состав народов — остается ли еще на своей прежней позиции? — Имеет ли он отношение и какое к новому «Униону». В какой мере ответственны члены этого Центра, связавшие свое имя с «Унионом»? Что о нем думает «Грузинский Центр»? Вот вопросы на которые мы желали бы получить ответ, прежде чем окончательно высказаться по существу нового начинания. — Мы однако считаем возможным и необходимым сказать несколько слов в связи с вышеупомянутой статьей «Усабера». В нашей оценке этой статьи, которая всецело проникнута настроениями, нашедшими свое отражение в воззвании «Униона», читатели смогут усмотреть наш бесспорный ответ и авторам самого воззвания.

Мы не собираемся конечно исчерпать в настоящей и так слишком затянувшейся статье поднятые «Усабером» проблемы. К тому же «Кавказ» в руководящих статьях своих имел уже случай совершенно точно определить свою позицию в вопросе о положении и роли народов Кавказа между «Севером и Югом» («Кавказ» № 4 апрель 1934 г. — «Кавказская Конфедерация и Армяне»; № 16 апрель 1935 г. — «Турция и Кавказ»).

Мы с удовольствием отмечаем, что в мыслях автора, вызвавшей нашу критику ста-

тью «Возврат к прошлому», призыв к добрососедской дружбе и сотрудничеству обращался и к нам... Мы этому так рады, что охотно закрываем глаза на некоторые неудачные фразы, вызвавшие нашу реакцию и надеемся, что в будущем прекрасные намерения «Усабера» не будут оставаться только в мыслях его публицистов, а к общему удовлетворению найдут соответствующее выражение на его столбцах. Это конечно, музыка будущего, которую мы ждем с нетерпением... а пока, мы вынуждены отметить, что расхождения наши с теми политическими кругами, настроения которых по видимому отражает «Усабер» все еще очень велики... Заключаются они в следующем: в той политической обстановке, которая волей исторических событий создалась на нашей родине после великой войны и русской революции — единственным врагом освобождения народов Кавказа и создания независимого Кавказского государства мы считаем, пользуясь терминологией «Усабера» — Север. Враг этот — красная Москва, враг суровый, неутомимый, оккупирующий нашу страну и прозякающий духовной и политической смертью нашим народам ежедневно, ежечасно... Нашим народом, призванным ковать свою судьбу в реальных условиях сегодняшнего дня, думаем мы, следует исходить не из исторических реминисценций и оскорбленного чувства, а из трезвого учета окружающих их внешних сил и собственных возможностей. Народы не выбирают своих союзников. Они даются им их географией. Юг, тот Юг, откуда по мнению почтенной армянской газеты, грозит Кавказу такая же опасность, как и с Севера, по нашему глубокому убеждению, является нашим потенциальным союзником...

Сегодня Турция в союзе с СССР. Сегодня мы лишены возможности заниматься в Турции даже пропагандой наших политических идей. Наши журналы не имеют легального доступа в страну.

Но завтра, при неизбежных политических потрясениях в Восточной Европе, после крушения дружественного Турции советского режима в Москве и освобождения Турции от взятых ею на себя обязательств, когда встанет вопрос о новом политическом статусе наших краев — Юг, для которого законы географии так же обязательны, как и для нас, Юг, который отлично знает свою историю и очевидно не забыл двухсотлетнего русского кошмара, не может не быть на нашей стороне, ибо реализация наших идей, создание независимого кавказского государства, означает для Турции образование между ней и будущей Россией прочного барьера свободолюбивых кавказских народов, объединенных в дружественную ей конфедерацию.

Мы исходим из убеждения, что когда настанет час практических решений, высшие интересы Турции, вытекающие из чувства национального самосохранения и государственной безопасности, заставят ее сделаться активным другом идеи кавказской независимости.

Между этой концепцией, ценность которой заключается в, не затемненном никакими эмоциональными моментами, объективном подходе к проблеме и «Усаберовской» формулой борьбы на два фронта «против Севера и Юга», конечно, пропасть.

Задача наша заключается в том, чтобы засыпать эту пропасть. Задача, очевидно, не легкая, но мы от нее не отказываемся.

Не можем мы принять, по тем же соображениям, и другого предложения «Усабера»: в борьбе за независимость коллективной нашей родины, действовать «совместно с несвободными народами, живущими на Севере и Юге».

Вернее мы принимаем первую половину формулы: — мы готовы всячески поддерживать украинцев, белоруссов, туркестанцев и

другие, разделяющие с нами русскую неволю народы. Мы готовы координировать с ними нашу работу, но в наши намерения отнюдь не входит заниматься «освобождением» курдов (очевидно под «несвободными народами», живущими на Юге надо разуметь их)...

«Усабер» видит, что мы не стесняемся ставить точки над *i* и называть вещи собственными именами...

Нас легко конечно обвинить в национальном эгоизме и даже в безпринципности, ибо теоретически мы должны были бы сочувствовать всякой малой нации, стремящейся к своей независимости. Одно дело платоническое сочувствие и совсем другое совместная борьба... Мы не пренебрегаем армянам сочувствовать кому им угодно. Но мы претендуем делать практическую политику и поэтому самым решительным образом протестуем против даже самого отдаленного намека на возможность вовлечения Кавказа в борьбу против Турции ради совершенно чуждых нам и проблематических интересов курдов.

Интересы же армян по нашему мнению могут быть защищены только на путях примирения и дружбы с Турцией, когда нам всем совместно удастся создать у турок убеждение, что независимый Кавказ является необходимым элементом равновесия в этом уголку мира и что в его существовании и процветании прежде всего и больше всего заинтересована сама Турция.

Тогда откроется совершенно новая эра во взаимоотношениях армян и Турции и многие вопросы, ныне представляющиеся неразрешимыми, найдут простое и легкое удовлетворение.

Все остальное — опасная, самоубийственная утопия...

Гайдар Баммат.

# За последний месяц

Истекий месяц (после выхода предыдущего номера нашего журнала) богат событиями политической хроники.

Еще трудно, и даже невозможно, полностью оценить все их огромное значение, чтобы сделать отсюда логические выводы к будущему. Обстановка слишком сложна, интересы и взаимоотношения государств и народов переплелись так прихотливо, что мы ограничимся лишь кратким указанием на главные моменты, воздерживаясь покуда от каких либо субъективных оценок и прогнозов.

Во Франции очередные выборы в палату депутатов дали известное большинство левым партиям, объединившимся на выборах в так называемый «народный фронт». По числу поданных голосов правые и умеренные партии почти не понесли потерь (правые даже выиграли), но так как результаты определились, главным образом, при перебаллотировках, то совместно выступавшие левые партии проводили во втором туре того кандидата «народного фронта», который получил наибольшее число голосов в первом. В итоге победа левого блока и 72 депутатских мандата в пользу коммунистов.

Пострадали в особенности партии центра, включая сюда и левый центр, т. е. партию радикал-социалистов, хотя и входившую в «народный фронт», но принужденную уступить свое обычное первое место в парламенте — объединенным социалистам. Эти последние — теперь самая многочисленная партия в палате депутатов, и давнишний ее лидер Леон Блюм уже сейчас же после выборов, стал считаться несомненным главой нового правительства.

Французское голосование лишней раз под-

черкнуло тот неоспоримый факт, неблудаемый всюду, что в настоящее время борются в сущности лишь два основных течения — условно выражаясь, правое и левое, т. е. противосоциалистическое и наоборот — в той или иной степени — зависимое от интернационалов, — средним, промежуточным, компромиссным, настроением уже места нет, и они теряют почву.

Перед новым французским правительством стоят сейчас очень большие трудности и очень сложные задачи, как во внутренней, так и во внешней политике. В особенности они сложны потому, что левый блок представляет собою коалицию нескольких партий, включая сюда и коммунистическую, — эти партии далеко не солидарны между собой в самых основных вопросах, и практическая работа всегда их может вывести за пределы той крайне общей программы минимум, на которой теоретически удалось бы в начале столкнуться.

Итальянский король торжественно объявлен императором Абиссинии. Вместо очень скромного для Италии разрешения вопроса, известного под именем проекта Лавалья-Хора, который тем не менее был признан в свое время слишком широким, неприемлемым ни для Англии, ни для Лиги Наций и негодующего общественного мнения, Италия, еще до наступления первого периода дождей, целиком аннексирует всю огромную территорию в Африке, завоеванную ее войсками, вопреки всем увещаниям, угрозам и санкциям.

Со свойственной ему некоторой театральностью жестов итальянский диктатор уже провидит возстановление былой мощи великой Римской империи, но даже и то, что уже достигнуто, в корне меняет взаимоотношения ми-

ровых сил, выдвигал Италию, как могущественный активный фактор. Сейчас невозможно даже учесть всех неисчислимых последствий этого знаменательного события.

Неудивительно, конечно, что молниеносная итальянская победа и абсолютно независимый образ действий ее вдохновителя и организатора, Муссолини, вызывают чрезвычайную тревогу прежде всего в Англии, которая сама считала, себя современной преемницей великих мировых задач древнего Рима. Англия — Великобритания — всегда старалась ослабить и обезсилить всякую державу соперницу, — но сейчас перед нею встает в центре всех ее африканских интересов, на самых главных колониальных путях, призрак новой непредвиденной опасности — военная мощь обновленной Италии, руководимой таким даровитым и смелым человеком, как Муссолини.

Понятна нынешняя растерянность руководящих политических кругов Лондона, то смущение правительства, которое даже не скрывает ни премьер Болдвин, ни министр иностранных дел Иден, не могущие до сих пор найти определенной линии поведения, но чувствующие вместе с тем настоятельную необходимость что то такое поскорее предпринять — или резко против Италии, или наоборот — примирившись с ее победой, хотя бы временно и внешне.

Параллельно тревоге и колебаниям Англии большое смущение царит, конечно, и в руководящих кругах международного женеvского учреждения — Лиги Наций. Очередная майская сессия совета так так ничего ровно не могла решить: решили выждать и перенести дело на июнь. Как быть с Италией?

Неужели признать победителем Муссолини, который, оставляя Италию членом Лиги,

действует совершенно независимо, не считаясь ни с какими запретами, и не боясь санкций? Какие же перспективы это открывает для будущего?

Совершенно естественно поэтому, что все более и более крепнет убеждение, что в нынешнем своем виде Лига Наций не в состоянии выполнить начертанного ей назначения и какие то реформы существенно необходимы. Они нужны прежде всего для самого сохранения женеvского института, который теряет всякий авторитет.

Все важнейшие события международной жизни идут помимо Лиги и вне ее решений. Япония утвердилась на азиатском материке, провозгласив отделение от Китая Манчжурии, Хитлер занял войсками демилитаризованную зону, Муссолини объявил Эфиопию, такого же члена Лиги, как и Италия, итальянской колонией. Чего же ждать дальше? О менее значительных событиях даже и не говорят: южноамериканские республики решают свои споры оружием и, повидимому, совсем хотят покинуть Женеvу.

Англия, твердо отстаивающая необходимость женеvского учреждения, серьезно озабочена вопросом, как изменить его статут, чтобы придать какую либо действительную силу решениям Лиги.

В Испании после победы блока левых партий никак не может еще наладиться мирная государственная жизнь. Президентом избран известный политический деятель Асанья — кандидат умеренного крыла левых. Преждевременно что либо говорить о его нынешней политической роли — она находится сейчас под слишком непосредственным воздействием борющихся в стране настроений и сил. Ответственность власти частно заставляет «справить» вчерашних революционеров.

Некоторые французские газеты говорят о предполагаемом «тесном контакте» руководящих политических группировок двух соседних стран — «народного фронта» Франции и Испании, пришедших к власти в результате обводного левого уклона последних выборов.

Чрезвычайно значительны по своим возможным последствиям перемены, происшедшие в Австрии. — отход князя Штаремберга, главы военно-профессиональной организации геймверов, от бывшей активной роли и активного сотрудничества с канцлером Шушнигом. Вместе с введением обязательной воинской повинности геймвер тервет свое прежнее значение опоры режима. — гражданское правительство приобретает большую независимость и свободу действий. Князь Штаремберг слишком тесно себя связал с итальянской ориентацией, и глава правительства Шушниг счел для себя возможным отдалить от руководства активной политикой своего ближайшего помощника и союзника.

На территории бывшей австро-венгерской империи и в особенности вокруг ее бывшего центра — Вены, т. е. в нынешней Австрии, сосредоточены сейчас и взаимно скрещиваются интересы всех великих держав Европы — это своего рода «новые послевоенные Балканы», грозящие возможностью внезапных сюрпризов. Все с напряжением следит за развитием политических взаимоотношений на берегах Дуная и там ежеминутно могут возникнуть события, способные нарушить непрочный мир Европы, втянув в местный конфликт великие державы всего континента.

Разлад между канцлером Шушнигом и князем Штарембергом, несомненно выгодный для тиготеющего к Германии австрийского на-

ционал - социализма, странная внезапная болезнь венгерского премьера Гембеша, — это новые факты, могущие дать и новое направление прихотливым изгибам дунайского политического положения.

В Польше, начавшаяся после смерти маршала Пилсудского глухая внутренняя борьба между так называемой «Группой полковников» — ближайших помощников и учеников покойного вождя Польши, — и теми политическими кругами, которые, по разным мотивам, заинтересованы в воскрешении старой партийной системы, достигла в последнее время особенного напряжения.

Внешним проявлением этой борьбы, ослаблявшей государственный аппарат и дискредитировавшей правительственную власть, явились: внутри страны — волна забастовок и кровавых беспорядков, в таких крупных центрах, как Краков, Ченстохов, Львов. За границей — непрекращающиеся толки о предстоящей перемене курса внешней политики и уходе министра иностран. дел г. Бека. К счастью для молодого государства и всех искренних друзей Польши, внутренний кризис, грозивший стране глубокими потрясениями, закончился консолидацией власти тех именно кругов, которые олицетворяют государственную мысль и волю создателя современной Польши и дают уверенность, что, как во внутренней жизни страны, так и во внешней, ее политике, заветы маршала Пилсудского будут проводиться твердой и властной рукой. Имя нового премьера ген. Славой-Складковского, пользующегося абсолютным доверием и поддержкой верховного вождя армии ген. Рыдзь-Смиглого, является тому порукой.

\*\*\*

# Конференция Балканской Антанты

В связи с создавшейся международной обстановкой последняя ординарная сессия совета Балканской Антанты в Белграде представляет довольно значительный интерес.

Речь шла о том, чтобы выяснить как отразились на Балканах:

1) Одностороннее денонсирование Локкарнского и Сен-Жерменского договоров.

2) Представление турции о ремилитаризации проливов.

3) Давление, оказываемое Германией на две державы Балканской Антанты, входящие одновременно и в Малую Антанту.

В особенности же, и в этом в сущности и заключалась основная задача сессии — имелось в виду выяснить каковы будут непосредственные результаты неудачи английской политики.

Неожиданно произведенная Англией в минувшем октябре демонстрация могущества и превосходства над Италией была воспринята малыми и средними державами Ближнего Востока как настоящая гарантия их независимости. С тех пор могло наступить разочарование, тем более жестокое, что, несмотря на абиссинскую кампанию, Италия показала, что она «присутствует», как в Вене, так и в Будапеште и в особенности в Албании, занятой под ее непосредственным влиянием укрепленным границ...

Понятно поэтому значение, которое придавалось совещанию в Белграде, после которого, к тому же, немедленно должно было состояться заседание постоянного совета Малой Антанты.

Исходили конечно из принципа, что Балканская Антанта будет отвечать тому назначению, которое имели в виду его основатели,

т. е. будет способствовать консолидации балканской солидарности и явится твердым оплотом против всяких попыток интриговать на Балканах.

Заметим тотчас же, что сторонники организации мира путем региональных соглашений, не могут зацепиться ни за какую иллюзию. Только благодаря искусственной женеvской фразеологии Балканская Антанта сохраняет видимость жизни.

С опозданием на месяц, против даты, назначенной по просьбе греческого правительства, постоянный совет Балканской Антанты собрался в Белграде с 4 по 6 мая и имел, под председательством г. Рушью Арраса пять заседаний. С первого же заседания, бывшего довольно бурным, представители Греции и Турции проявили в своих декларациях несколько фантастическую наклонность к оптимизму. Однако оба они не вышли за рамки весьма туманных формул.

Финальное коммюнике прессе также носит отпечаток лиризма и полной неопределенности. Но в нем все же имеется одна фраза, единственная — достойная внимания, касающаяся существа пакта и его назначения: «Греция, — говорится в этой фразе, — уточнила свою позицию в отношении Балканской Антанты к единодушному удовлетворению членов постоянного совета».

В чем же дело, о чем была речь и какова цена этому единодущию и удовлетворению.

Греческое правительство заявило, и на этот раз самым категорическим образом, что Греция всегда считала себя «свободной от всяких обязательств в случае угрозы одному из членов Антанты не только со стороны какой-нибудь не балканской державы, но и со сто-

роны державы балканской, если угроза эта будет комбинирована с действиями государства, находящегося вне Балкан.

Она, таким образом, категорически отказалась считать себя заинтересованной в случае войны против какой бы то ни было великой державы.

Но единственной целью Пакта, то есть Турции и трех государств, уюенных своими завоеваниями и озабоченных ревнивой охраной своих новых границ, было воспрепятствовать видам Италии на Балканах, в том числе и в Албании. Действие Пакта в будущем ограничится ли внушением спасительного страха только одной Болгарии или Албании, если она вздумала бы самостоятельно выступить против своих соседей?

Даже как то неловко думать, что четыре государства, из которых каждое в отдельности неизмеримо слабее этих двух держав, сочли необходимым образовать коалицию против них. К тому же Греко-Турецкое сердечное соглашение 1933 г. гарантирует балканские границы Греции и Турции против их северной соседки.

Каков же может быть в будущем «резон д-этр» этой Антанты? Во всяком случае не одно только стремление помешать Югославии приобрести симпатии Болгарии, без предварительного одобрения Греции.

Истинная цель бросается в глаза. Эта цель простая, но признаться в ней трудно. Понятно почему постоянный совет предпочел ее замолчать.

Что же касается «единодушного удовлетворения», которым хвастает коммюнизе, то совершенно ясно, что г. Стоядинович просто пожелал проявить простую любезность в отношении своих гостей. Он ограничился констатированием, что полезно раз навсегда дать себе точный отчет как следует понимать реальное значение Балканской Антанты.

Едва ли будет преувеличением повторить, что ни один серб, даже до оппозиции Венизлоса, не питал никакого доверия к чистосердечности четырех договаривающихся сторон!

Г-н Титулеско, вынужденный на протяжении двух месяцев дважды констатировать бесплодность своих надежд на балканскую солидарность, демонстративно держался в стороне от своих турецкого и греческого коллег. Его молчание было абсолютным.

После этого оптимизм коммюнизе действительно поразителен.

Можно понять г. Метакса. Ему нужно было смягчить печальную роль, которую навязало ему, употребляя модное в Афинах выражение, «гео-политическое» положение его страны. Труднее понять экзальтацию г. Рушту Арраса. Пожертвовал ли он элементарной сдержанностью в обмен на принятие Грецией требований относительно ремилитаризации проливов? Едва ли! Почувствовал ли он просто некоторое облегчение при виде Греции демонстрирующей в отношении Италии такую же покорность и послушание, какие Турция проявляет в отношении СССР? (Известно, что существует секретный протокол, освобождающий Турцию от всяких обязательств в отношении Румынии, если последняя была бы атакована Советами). Или самолюбие турецкого министра иностранных дел испытало двойное удовлетворение, увидя Югославию, столь всегда враждебную всякому соглашению с Советами, в тяжелом положении и г. Титулеско, потерпевшего неудачу в преследовании одной из тех целей, которые румынский министр считал особенно существенными, но к которым никогда не легало сердце Рушту Арраса?..

Констатируем во всяком случае полную искренность афинской прессы. Все журналы и газеты единодушно одобрили поведение правительства, поставившего себе задачей избежать

во что бы то ни стало неудовольствия Муссолини. Говоря о создавшемся для греческой делегации положении в Белграде «Вима» признала, что г. Метакса пришлось употребить нечеловеческие усилия, чтобы быть понятым; «Пройя» сообщила, что греческому министру пришлось давать объяснения в очень тяжелой атмосфере, «Врадина» засвидетельствовала, что Пакт вышел из Белградской конференции значительно ослабленным.

Истина в действительности более конкретна и категорична. Пакт перестал существовать, в результате публично выраженной воли уклониться от всяких активных действительных мер.

После изложенного решительно ничего другого, что заслуживало бы внимания в коммюнике нет.

Вопрос о проливах в нем не фигурирует. Балканские государства, еще до собрания в Белграде, сообщили в Анкару о своем принципиальном согласии, сопроводив его необходимыми резервами. Эти государства не могли уточнить свои отношения к вопросу, прежде чем выскажутся некоторые другие государства, как например Англия.

В тот момент, когда приходится, мягко выражаясь, констатировать ослабление уз связывающих государства Балканской Антанты не бесполезно вспомнить, что греческая интерпретация Пакта, зарегистрированная 6 мая, была впервые формулирована в Афинах в момент ратификации Пакта греческими палатами. Но тогда все же казалось, что г.г. Цалдарис и Максимос желали сохранить за принятыми их страной обязательствами всю их действительную силу и что они скрепя сердце согласились с резервами, которых требовал Венизелос, на этот раз бывший выразителем настроений всей страны. Однако во время одной из сессий постоянного совета, в Женеве в нача-

ле июня 1930 г., г. Максимос повторил эти резервы. Но, вынужденный, не без некоторого вероятно смущения, десолидизироваться с основной целью Пакта, которого он был одним из первых инициаторов, он не отказался через два дня подписать декларацию, которой Балканская Антанта в вопросах касающихся Центральной Европы, заявляла о своей солидарности с Малой Антантой.

Г. Максимос, который не потребовал своевременно, чтобы резервы, сделанные им вербально, были зарегистрированы, считал, тем не менее, что они остаются в силе, так как они предшествовали во времени подписанной им декларации.

Не менее странно, что стороны, подписавшие вместе с г. Максимосом означенный акт, не обратили никакого внимания на ограничения, сделанные в Афинах, и признали полную ценность за подписью, поставленной им на протоколе 3 июня.

Последствия не замедлили сказаться, когда другие гаранты Балканской Антанты, в согласии с Малой Антантой, попробовали вести в Центральной Европе общую политику.

Г. Венизелос узнал о существовании акта 3 июня за несколько недель до своей смерти и немедленно сообщил председателю совета министров Демердзису об опасениях, которые вызывают в нем наличие на этом акте подписи представителя Греции.

Весьма вероятно, что г. Демердзис сумел бы благополучно урегулировать это дело на ближайшем собрании Совета Антанты, если бы не одно мероприятие, говоря откровенно, довольно легкомысленно принятое г. Титулеско, 13 марта и продиктованное заявлением германскими войсками демилитаризованной зоны на Рейне, не вызвало протестов греческой прессы и правительств греческого и турецкого.

Г. Титулеско воспользовался своим пре-

быванием в Женеве, чтобы созвать 13 марта представителей Балканской и Малой Антант на предмет выработки общих мер в связи с положением, созданным вступлением немецких войск в Ренанию. Он составил коммюнике, в котором говорилось: «что вышеназванные представители абсолютно единодушно и без всяких резервов одобряют позицию Англии и Бельгии и что государства Малой Антанты и Балканской Антанты будут защищать всеми средствами целостность и неприкосновенность договоров, заключенных после окончания войны, в том числе и Балканского Пакта».

Г. Политиса в это время уже не было в Женеве. Греция таким образом не была представлена. Однако постоянный представитель Греции при Лиге Наций подлюбопытствовал спросить у г. Титулеско кое какие объяснения. Необходимо отметить, что в тот момент г. Титулеско не был уже председателем ни совета Малой Антанты, ни совета Балканской Антанты. Г. Титулеско ответил, что он сделал прессе сообщение, отражающее только его личные мнения.

Греческое правительство поспешило немедленно опровергнуть это коммюнике. Турецкое правительство со своей стороны сделало тоже самое, и в выражениях довольно резких. Постоянный представитель Турции при Лиге Наций, подписавший коммюнике, подвергся

весьма суровому дисциплинарному взысканию.

В результате этих событий греческое правительство, подталкиваемое прессой, созвало в начале апреля «комиссию партийных лидеров» палаты, ведающих иностранными делами для изучения положения Греции в составе Балканской Антанты. На третьем заседании этой комиссии было единодушно принято то решение, которое г. Метакса заставил зарегистрировать в мае в Белграде и которое гласит, что Греция всегда считала себя свободной от всяких обязательств в случае угрозы одному из членов Антанты не только со стороны какой-нибудь не балканской державы, но и со стороны державы балканской, если угроза эта будет комбинарована с действиями государства, находящегося вне Балкан, и что, одним словом, Греция ни под каким предлогом не позволит вовлечь себя в войну против какой бы то ни было великой державы.

Право, не будет никакого преувеличения сказать, что Балканская Антанта перестала существовать.

Если участь Балканской Антанты не вызывает больше сомнений, иначе обстоит дело с ремилитаризацией проливов с точки зрения входящих в нее различных держав.

Об этом мы поговорим в следующий раз.

Д. Милль.

## „Армяно-Грузинский Унион“

В жизни кавказской политической эмиграции имеют место явления, которые указывают на полную ее растерянность, безсилie и даже вырождение. Растерянность эта так велика, что, людям, думающим еще о подлинных кавказских интересах, о задачах его политики и

об его будущем, остается только верить, что быть может не так скверно обстоит дело там, на Кавказе, и что, быть может, наши народы думаю немного лучше, чем их «эманация» в эмиграции.

Не так давно мы были свидетелями того,

вал второпях, необдуманно и без участия квалифицированных представителей всех народов Кавказа, был подписан злополучный брюссельский «пакт» Конфедерации Кавказа. Идея, в основе правильной и единственной для стовора кавказских народов, но так легкомысленно зарегистрированной, наш журнал посвятил много своих страниц и нашим читателям хорошо известно в чем состоит несовершенство этого «пакта».

Что «пакт» этот был несовершенный и даже вредный и, что, рано или поздно, он должен был вызвать ту или иную реакцию, доказательством может служить появление нового «пакта», к нашему великому прискорбию еще более несовершенного и еще более вредного для общих интересов Кавказа. Ибо если брюссельский «пакт» назывался, по крайней мере, кавказским, то этот новый «пакт», опубликованный пока под видом «воззвания» и напечатанный в «бюллетене» какого то неведомого до сих пор, «Армяно-Грузинского Униона», является исключительно армяно-грузинским.

Таким образом и без того безцветный и односторонний «пакт» Кавказской Конфедерации, подписанный «представителями» только трех кавказских народов, без армян, но сохранявший место для них и приглашавший их подписать его, выродился в двухчленный «унион» армян и грузин не только без азербейджанцев и горцев, но даже без приглашения по их адресу вступить в этот унион.

Положение это совершенно новое в кавказской эмиграции, а факт существования самостоятельного «армяно-грузинского униона», наводит на размышление, что создав он как бы для подрыва идеи Кавказской Конфедерации.

Все это мы считаем зрелищем неожиданным, способным удивить нас, но не обрадовать.

Что у армян и у грузин могут быть лич-

ные друг к другу симпатии культурно-исторического характера и что помимо политическое единения в обще-кавказском масштабе, они нуждаются и в других подсобных «унионах», это нам понятно и против такого единения мы не возражаем. Но содержание «воззвания», подводящее фундамент под этот «унион», выходит далеко за пределы братства «во Христе и культуре» народов и рисует чисто политические перспективы обще-кавказского характера. Стремление же делать общекавказскую политику одним армянам и грузинам без азербейджанцев и горцев не только носило бы характер недопустимой претензии на «гегемонию» одних над другими, как это предлагала недавно, очевидно, не зря армянская газета «Усабер», но и вещь по существу своему непосильная армянам и грузинам, ни порознь, ни вместе.

Между тем, несмотря на весьма слабые призывы по адресу и других кавказских народов, «воззвание» это насквозь проникнуто духом такой армяно - грузинской «гегемонии» и армяно - грузинского сепаратизма от остального Кавказа. Это обстоятельство печально и в лучшем случае может породить такой же горско-азербейджанский сепаратизм, мусульманского характера. Перспективы возможности такого психологического настроения обширны и будут не новы для Кавказа. Общекавказская политика будет похоронена, единение Кавказа сломлено и наши народы вынуждены будут снова вернуться к старой красоте нашей истории: делать политику каждого из нас по вероисповеднической догме. Одни должны будут искать помощь христианскую, другие — мусульманскую. Турция, которой так боится воззвание «армяно - грузинского униона», придет и будет хозяйничать у нас, именно, тогда. Без этого же идеи кавказского единения настолько реальна, возможна и могуча, что она могла бы внушить и Турции, что посягательство на



Кавказ,—весьма знакомая история, от которой приходилось плохо и Турции,—совсем не отвечает ее интересам. Приходу старой России на Кавказ способствовало и то, что ни Турция, ни Персия не давали ему жить. Поэтому все дело будет зависеть от того, какой Кавказ будет иметь перед собою Турция. Надо бояться того, что Армяно-Грузинский Унион без горцев и азербейджанцев, не настроил бы дурно эту не-

вую Турцию и она не думала бы выступить на защиту своих кавказских единоверцев. Борьба с этим одному армяно-грузинскому блоку будет чрезвычайно трудно. А потому необходимо, чтобы политическое единение армян и грузин произошло в такой кавказской организации, которая будет вмещать и горцев и азербейджанцев.

Ш. Амiredжиби.

## Еще о Ленинской национальной политике

Когда мы твердим большевикам: «Даже если бы вы были преисполнены благих пожеланий по отношению к «окраинным» народам, вы не способны практически устроить и обезпечить им более или менее свободную жизнь, т. к. вы — те же великодержавники», они на это «обижаются» и возражают: «Помилуйте, взгляните на нашу программу» или «сравните теперешнее экономическое и культурное положение ваших народов с эпохой царизма» и т. п.

И сейчас же начинается статистика: при царизме — нуль, при советах — какая то головокружительная цифра.

Сравнение делается не только с одним царизмом, но и с кратковременной эпохой самостоятельной жизни наших народов: при меньшевиках было только то, а при большевиках — во сколько, при дашнаках яичего не было, а при советах столько то; при мусавате — было зеро, а теперь — вот сколько и т. п.

Что касается до сравнений с эпохой «меньшевико-дашнако-мусавата», на это можно возразить следующее: во-первых, если даже признать точность советской статистики, испол-

не понятно, что цифры величина не постоянная и что за 15 лет, конечно, число школ, больниц или же заводов увеличилось бы в той же пропорции, если не больше, и в лучшем качестве, чем при большевиках, если бы последние дали бы этим народам возможность продолжать их самостоятельную жизнь. Добавим к этому, что мы лично не считаем меньшевиков, ни дашнаков, ни мусават настоящей эманацией народной воли (одни управляли камуфляжем, другие террором, а третьи пустопорожними «речами»), заинтересованных народов, и вовсе не хотели утверждать, что все при них было идеально. Сравнение же с «эпохой царизма» весьма неправильно и неудачно: царизм никогда не уверял своих и чужих, что он смотрит на все народы Империи одинаково или что он преподнес им свободу и самостоятельность. При царизме был державный русский народ и были «инородцы»: имперская Россия, надо отдать ей в этом справедливость, никогда не скрывала своего отношения к народам не-русского происхождения — тому пример, масса печальных фактов, не говоря уже об ограничениях в правах, которых тоже насчитыва-

лось не мало; с другой стороны, «кавказское наместничество», как известно, не являлось самостоятельной территориально-политической единицей, имевшей с метрополем лишь «союзные отношения»...

Не то теперь, когда нас уверяют, что С. С. С. Р. — это «свободный союз свободных народов» на началах полнейшего и абсолютно-того равенства; где нет ни «больших, ни малых» народов, а все 189 национальностей, выкопанных советскими этнографами, одинаково участвуют в соцстроительстве, одинаково пользуются его благами. Уверяют нас также, что 6 «союзных республик» (кроме Российской федерации) суть вполне самостоятельные единицы, которые, если им чтонибудь не понравится в сожительстве с Россией, могут даже, на основании 4-го параграфа Союзной конституции, сказать ей «до-свидания».

Если большевики забывают все эти обстоятельства, то это аттестует их не особенно-то лестно в смысле их политической интернациональной программы: они учитывают лишь перемену режима, ни более. Был в России царизм, а теперь существует большевизм. Что касается до свободы, «раскрепощения» или «самостоятельности» «ранее угнетенных» народов, все это пустая болтовня, рассчитанная на пролетариат буржуазных стран». Характерно, что «благополучие» «националов» в С. С. С. Р., те же большевики противопоставят часто «колониальному гнету» империалистических стран...

Штрих, не лишенный определенного смысла в концепциях русских большевиков Бухаринского типа.

Мы, грешные люди, охотно возвращаем Сталину, Кагановичу, Молотову и прочим товарищам из Политбюро их 4-й параграф, твердо зная, что национальная свобода народов обеспечивается не бумажными параграфами, а силой оружия. Но остается «внутренняя про-

грамма» большевиков, пришедших к власти, после царизма. Что они сотворили в смысле вмешательства в религиозные, бытовые и семейные дела подвластных народов — это особая статья, известная всему миру. Но в области «уравнения в правах» «отсталых народов СССР с передовыми» существует у кремлевских властей имущих длиннейшая программа, которую при удобном и неудобном случае суют всем в глаза: это их пресловутая «ленинская национальная политика», становящаяся понемногу теперь «сталинской». Эта программа должна обеспечить окраинным народам хотя бы местное самоуправление, административные и судебные органы, так же, как общественные и пролетариат должны состоять из местных людей или же из лиц, знающих местные языки (тоже своего рода политика!). Делопроизводство должно вестись на местном языке.

И что же? Прошло больше 15 лет, как окраины осветились, но до сих пор еще эти «самостоятельные» или «автономные» единицы не обеспечены хотя бы этой программой минимум. По-прежнему управляются они сонмом разных чуждых элементов, которые занимают прочные места в местных органах администрации, суда, народного просвещения или же заводов и фабрик.

«В 18 краевых учреждениях (Северный Кавказ), читаем в одном постановлении президиума ЦИКА СССР, имеющих 1.310 работников, насчитывается только 17 чел. работников из местных национальностей. В значительной части краевых учреждений нет ни одного национального работника (крайзу, крайфинуправление, крайздрав, крайкомхоз, прокуратура, крайпотребсоюз, госбалк)». «Во всех национальных областях С.-К. края (где, кстати сказать, 65% нерусского населения), читаем далее, в областных и районных учреждениях, за исключением горных районов Чече-



шо-Ингушетия, делопроизводство ведется исключительно на русском языке».

В Дагестанской «автономной» республике, число местных работников в комисариатах не превышает, в среднем, 21%! Констатируется даже некоторое снижение в коренизации аппаратов в сравнении с прежними годами. Так, если в 1933 году работников из коренного населения было 25,3%, то в 1935 этот процент снизился до 20,5. По 40 организациям из общего числа 1.852 чел., работников из коренного населения только 380 чел.

В отделении С.-К. железной дороги дагестанцев... 0%, в управлении народно-хозяйственного учета — 2,5%, в управлении порта — около 2%, в заготзерно — 3 чел. из 36, в Дагмазрыбе — 2 чел. на 22, в Дагрыбтресте — 5 чел. из 52 и пр.

Что касается до «местного пролетариата», то на рыбконсервном заводе их не больше 30%, на бондарном заводе на 575 рабочих приходится лишь 96 горцев и 30 горянок и т. п., и т. п.

Излишне добавить, какой элемент дополняют эти жалкие проценты местного населения! Даже такой сравнительно отдаленный и обособленный край, как Дагестан не оказывается защищенным от наплыва великодержавного элемента, который рыщет теперь повсюду, по дальним странам, в поисках «солнца и хлеба».

Как же разрешить этот вопрос, чреватый грозными последствиями для жизненных интересов местного населения? Может ли Дагестанское правительство «выслать» этот пришлый элемент, заменив его местным? Конечно, нет! Вот почему все бумажные приказы Самурекях об «изыскании мер к коренизации Дагестанского Госаппарата» кажутся нам жалкими затеями, имеющими лишь характер отквитательства и блеффа.

Чтобы «коренизировать аппарат», надо готовить кадры, то есть специалистов, сведущих людей, интеллигенцию. Но есть «что-то», какая-то «окультиная сила», которая, в национальных республиках, чинит препятствия в этой области, не взирая ни на какие бумажные программы и пролетарские «принципы». Вот к примеру Узбекистан, про который, когда это необходимо для большевиков в рекламных целях, пишутся целые страницы, восхваляющие прогресс, реализованный с момента его советизации.

По поручению Совета национальностей, было произведено недавно обследование высших учебных заведений этой республики. Обследование выяснило, что самое популярное высшее учебное заведение республики, госуниверситет (САГУ) не является базой для подготовки высококвалифицированных национальных кадров. Из 2.000 специалистов, выпущенных в течение последних 10 лет, число специалистов из этих национальностей нечислится лишь несколькими десятками. Идентичное положение существует и в большинстве других вузов. Так, например, в Ташкентском индустриальном институте, из 1.084 студентов узбеков только 109. Оказывается, число «националов» уменьшается с каждым годом. В Ташкентском сельско-хозяйственном институте из 700 студентов только 42 — узбеки, плюс 50 студентов из других местных национальностей (туземцев). А остальные? — спросите вы. Конечно, состоят из «европейцев» — русских, евреев и пр. В ирригационном институте из 746 студентов, узбеков 53, плюс 38 уйгур, таджиков и туркмен.

«Не лучше и в транспортном, плановом институтах, в промакадемии и пр.», — добавляет рапорт.

Что касается женщин-туземок, о «раскрепощении» коих так любит трубить советская

пресса, то вот цифры: в Бухарском педагогическом институте обучается лишь 7 узбеков, а в техникуме хлопководства нет ни одной.

На заседании президиума ЦИК-а Узбекистана, посвященном вопросу о кадрах, «очень немногие директора высших технических школ нашли в себе мужество откровенно признаться в том, что они сделали еще очень немного для создания нормальных условий учебы студентов из местных национальностей», — это констатирует сама советская пресса, а не мы.

Кадры квалифицированных педагогов-узбеков в большинстве вузов отсутствуют. Преподавание, даже на младших курсах, ведется на русском языке. Когда ктонибудь из «смельчаков» или из «сердобольных» большевистских вельмож обращают внимание на недостаток национальных кадров, дирекция учебных заведений указывает на отсутствие преподавателей, но вместе с тем эти же самые господа великодержавники из дирекции, упорно саботируют подготовку преподавателей националов. Далее. Оказывается, учебники на родном языке отсутствуют не только в вузах, но даже и в средней школе.

«Бездеятельность» Узгиза и Наркомпроса заставляет вузы прибегать к кустарщине... так в университете им. Икрамова (считаемся одним из самых примерных в деле подготовки нац. кадров), учебники и конспекты лекций печатаются на стеклографе».

И когда об отсутствии учебников начинают уже «говорить», зам. народного комиссара просвещения, по фамилии Кожухов, ехидно замечает: «А вы почему не дадите нам заявок?». Отвод, конечно.

Профессор узбек, Кари Инязов, свои учебники по высшей математике, написанные на узбекском языке, был вынужден издавать в... Казани.

С другой стороны, средняя школа не обеспечивает подготовки необходимого количества поступающих в вузы учащихся из местных национальностей. Так в прошлом году, все средние школы республики выпустили... 29 узбеков.

Сирашивается: откуда же черпает советская статистика эти головоломные цифры о проценте учащихся в школах и вузах нац. республик, в «юбилейных» своих номерах? Неужели в СССР существуют две статистики: одна — юбилейная (все в умиленном тоне и розовых цифрах!), а другая — настоящая или в порядке «самокритики»?

Как бы там ни было, пример этих двух республик, Дагестана и Узбекистана, может служить серьезным аргументом в руках тех скептиков, которые не верят в чистоту намерений московских «интернациональных благодетелей».

Есть одна истина: чужой народ не может, органически не способен, обеспечить другому свободную и даже «самостоятельную» жизнь, тем более когда этот народ, великодержавный хотя бы по своей численности, привык смотреть на другие малые народы как на свое вечное наследственное достояние.

Никакие «соцпрограммы», никакой «интернационализм», не смогут переменить этой империалистической концепции, и все уверения, обещания в этой области останутся лишь мертвой буквой.

Обеспечить свою свободу и устроить самостоятельно свою жизнь могут только сами эти народы.

А это возможно, когда вместе с независимостью они завоевывают право на эту свободную жизнь.

Д. Дагестанин.



## ЧИТАЯ ГАЗЕТЫ

На Кавказе, особенно Северном, многие, должно быть, вздохнули свободнее и с облегчением, когда всенародно было реабилитировано конское, наездническое начало в жизни советских народов. Легкомыслие, с которым благородные друзья человечества были сданы в архив в дни чрезмерной машинно-механической примозглости, уступило место благоразумию, и теперь лошадиный загиб, или уклон, мыйый не только сердцу шных красных маршалов, но и разноплеменным миллионам Советского Союза, не считается больше ересью, а, напротив, в большой моде (думал ли Хитлер о таких последствиях своей политики?).

Впрочем, на Северном Кавказе под этим лозунгом: на коней! выступают, повидимому, не столько горцы, сколько казаки: похоже на то, что ухватившись за конские хвосты, они стараются выкарабкаться обратно, вверх, из крути, в котрую сбросила их, в жестокую минуту, за крепкие их хозяйственные качества, мачеха-революция. Теперь же они уже и вскачь лустились с полным успехом.

В Пятигорске — читаем в московских газетах — на празднике народов Северного Кавказа — состоялась, заключительные скачки джигитов (разумея верховых). «На первое место вышли терцы, второе заняли донские и кубанские казаки». Налет горцев — молчание.

О сопрячислении донских казаков к почетному в наших глазах и лестному званью «кавказских народов» что то не было слышно и выступали они на празднике, очевидно, по доброму соселству; может быть и как «братья-казаки».

О терцах же еще Лев Толстой, в восхитительных своих «Казаках», очень правильно писал как об особом «народце», очевидно, кавказском; особом, разумея он, от русских. Сла-

вянство их довольно-таки... чеченского свойства. (Кстати, в какой неудобной позе — «подзет на берег» — заставил Лермонтов «злого чечена» «точить свой кинжал!»).

На Кубани вопрос много сложнее. Но и кубанцы окавказились в степени, которая очень их удалила от рязанцев да ярославцев... не говоря уже об их украинских с ними счетах.

Во время войны один превосходный английский журналист, ныне покойный, большой друг и отличный знаток России, говорил об австралийских всадниках великобританской армии: вот наши английские казаки! В этом было много правильного. Но и наоборот можно бы сказать: казаки, в сущности, российские австралийцы! Правда, доехать до них легче из Москвы, чем доплыть или долететь из Лондона до Мельбурна или Сиднея. Однако, как австралийцы, будучи англичанами, прежде всего — австралийцы, так и казаки, не переставая быть русскими, прежде всего — казаки. Нечто сложное и могучее, именуемое Кавказом, держит казаков кавказских (только о них здесь речь) под своим обаянием, создает связь, цементирует, закрепляет их особенность, подкачивает возможность, а там и необходимость отграничения. Так называемое завоевание Кавказа имело последствием, для многих, завоевание Кавказом. Загримировавшись под «кавказцев, легко было в них и превратиться. Словом, «австралийский» путь казачества был бы и самым кавказским.

Но вернемся к пятигорским... скачкам. Что же это, однако, подлинные тамашние джигиты оплошали, в такое время, когда, повидимому, и джигитовка признается марксистским занятием! Не все же, в самом деле, молодые горцы увлеклись филологией и заняты работою по самоизучению и по самопознанию? Та-

ких должно быть очень много (давно бы пора, в добрый час и исполать им!) раз, например, в одном Владикавказе, не так давно еще тихом пристанище отставных военных, в настоящее время — точнее, в 1931 г., насчитывалось уже, как сообщал Н. Я. Марр, целых «восемь исследовательских организаций, имеющих прямое отношение к населению края, как-то: Горский педагогический институт, Этнолого-лингвистическое общество, Ингушский научно-исследовательский институт краеведения, Ингушское литературное общество, Ингушский музей краеведения, Осетинский институт краеведения, Осетинский музей краеведения»... Может быть, им теперь и не до джигитства, когда вся их национальная жизнь в плодотворном брожении; и не в хвостах своих коней видят они якорь спасения.

Однако, дух всаднический, кавалерийский, видимо, не совсем угас и в коренных кавказских народах, судя по следующему сообщению газет: «Более 500 заявлений о приеме в военные школы подано в райвоенкоматы Абхазии. Значительная часть абхазской молодежи стремится попасть в кавалерию».

Абхазия — одно из колец, скрепляющих связь горского Кавказа с Грузией. В этом увлечении, «наследии бранного Востока» и тот, и другая, увидят нечто знакомое, стародавнее. Как видно, самые глубокие потрясения не изменяют некоторых привычек и страстей, и самые красные революции, когда нужно, поощряют инстинкты «гвардейских подирпорщиков и кавалерийских юнкеров».

Одновременно с телеграммой о пятигорской джигитовке, из Батума сообщают о решении «малочисленного кочевого народа хемшинов перейти на оседлый образ жизни».

Обитают они в горах Аджарии, и в пределах этой же автономной области им подыскивают теперь участки для поселения. Хем-

шивы (кажется, их больше осталось на турецкой территории) считаются по происхождению армянами и слыт мусульманами. Будучи, вдобавок, и кочевниками, они, таким образом, совмещали в себе качества, которые мы обыкновенно не связываем в нашем представлении с армянами. Было, повидимому, в этих хемшинах нечто весьма дотошное, чего нельзя, наверное, сказать об их близких родственниках, отбывших 9-го мая из Марсея в Батум и уже туда прибывших, на особом пароходе, в числе 1784 переселенцев. Отправляются они в Армянскую республику и размещены будут в новых деревнях, выстроенных там в последнее время. Вот дело, достойное старинной репутации армян как народа-строителя. Среди иммигрантов отмечают и лиц «либеральных» профессий. Им придется заниматься в условиях, быть может, не столь либеральных: с советским строем этот термин мало вяжется. Но работа, очевидно, и для них найдется во всех этих Нубарашенах, Нор-Себастиях, Нор-Титранокертах... с названиями, подсказанными не святцами марксизма, а чувствами личной признательности и верности прошлому. Можно представить себе всю сумму настойчивости, дипломатического искусства и материальных жертв, затраченных на дело водворения в Армению этих людей.

Армяне-хемшины, по существу не столь уж удаленные от предков их, видевших отступление к Трапезунду Ксенофонта с его десятью тысячами, на наших глазах переходят из пастушеского быта к прочной оседлости. Не малая дистанция отделяет их от всем снабженных и, надо думать, закаленных в трудовой дисциплине граждан, переселяемых из Европы обратно в Армению, хоть и на другие места. Полстине два полюса, и между ними укладывается гамма мотивов и трудностей кавказской жизни и общественности. 3. Авашишвили.

# Мемуары ген. Муса Паши Кундухова

## ГЛАВА ПЯТАЯ\*)

Приход Шамиля в Галашку. — Начальник Владикавказского военного округа ген. барон Вревский. — Назначение ген. Муравьева на место князя Воронцова. — Назначение князя Барятинского. — Назначение мое начальником Осетинского округа. — Назначение мое начальником Чеченского округа. — Прокламация князя Барятинского чеченскому народу. — Сбор представителей Чечни. — Мое письмо чеченцам. — Перемена отношения правительства к чеченскому народу. — Конфискация чечерских земель.

Между тем срок отпуска моего приходил к концу. Не желая оставить близких сердцу моему родных в таком тревожном состоянии я должен был отказаться от командования дивизионом и обратился к главнокомандующему с ходатайством о разрешении мне и брату моему Идрису состоять попрежнему при Кавказской армии. Получив согласие князя Воронцова во Владикавказе, я вскоре узнал, что Шамиль собирает большой сбор и готовит против русских крупную экспедицию.

Вревский, разумеется, знал от лазутчиков все, что делает брат мой Хасбулат в Чечне и должен был уверен, что он действует по моему внушению и что я готовлю народ к возстанию. В этой уверенности он назначил людей тайно следить за моими действиями, (в чем Вревский, как начальник края был прав, ибо я невольно навлек на себя подозрение).

Зная недоверие к нам Вревского, я не захотел предлагать ему своих услуг и потому я и брат мой Идрис остались дома, не приняв с ним участия в походе навстречу Шамилю, куда он с четырьмя батальонами пехоты, с ча-

стью артиллерии и несколькими сотнями кавалерии (в апреле месяце) пошел в самые Галашевские трупцы, где мог бы быть со всех сторон окружен и на голову разбит, если бы Шамиль был более решителен и отважен. Он, имея полный перевес над отрядом Вревского, повернул назад свое храброе ополчение, умолившее его сразиться с противником.

Шамиль, при всех своих высоких природных достоинствах впоследствии перестал пользоваться плодами своих действий и благоприятными обстоятельствами, которые очень часто упустил из рук, не отваживаясь тотчас же после своих побед на быстрое движение к народам, его приглашавшим.

Вообще он и напы его в бою без всякого искусства одерживали верх лишь храбростью и мужеством горцев.

Ген. Вревский с торжеством вернувшись во Владикавказ и видя брата моего Идриса в числе других в приемном зале своем спросил его:

— Почему вы и брат ваш, полковник Муса не захотели принять вместе с нами участие против движения Шамиля? Неужели потому, что старший ваш брат Хасбулат руководил этим движением? Да! это не делает вам

\*) См. «Кавказ» номера 1/25, 2/26, 3/27 и 4/28.

чести, тем более, что вы имете счастье носить эполеты русского царя!

Идрис ответил ему:

— Я и брат мой не были с вашим превосходительством не потому, что старший наш брат у Шамиля, а потому, что не получили ни от кого никакого приказания.

Вревский отвернулся от него и стал разговаривать с другими, ему представлявшимися. Брат же мой, понапрасну оскорбленный, тотчас же вышел от него и на другой день приехал к нам домой. Узнав о сделанном ему замечании и от всей души пожелав тоже услышать от Вревского что либо подобное, я в тот же день отправился к нему во Владикавказ, с полным убеждением, что он даст мне повод сказать ему кое что о его поведении, которым он себя обезчестил. Радуюсь этому случаю, прямо с дороги, вошел я в дом начальника округа, который по докладу ему обо мне вышел в залу и как всегда очень приветливо пригласил меня к себе в кабинет.

Считаю лишним описывать разговор наш с Вревским и скажу только, что он, несмотря на вспыльчивый характер, при всем моем желании и старании не подал мне ни малейшего повода к резким выражениям.

Вскоро я был потребован в Тифлис, где главнокомандующий в кабинете своем, в присутствии начальника штаба ген. Вольфа, сказал мне:

— Генерал барон Вревский, по разным обстоятельствам считает неудобным нахождение ваше на левом крыле, а потому я желаю назначить вас на правый фланг, к генералу Евдокимову. Там службой своей вы можете принести большую пользу.

Охотно изъявив на это свое согласие, я имел случай объяснить кн. Воронцову, в присутствии Вольфа, произвольное управление начальника Владикавказского военного округа и,

сколько мог заметить, князь был доволен моей откровенностью. Когда же Вольф, опровергая мои указания, начал оправдывать Вревского, то князь с досадою сказал:

— Нельзя не согласиться с тем, что народные обычаи, освященные веками, суть самые верные документы и комитет без правильного определения отношений между сословиями не может правильно разобрать ни личных, ни поземельных прав их. (О чем для руководства приказал ему написать Вревскому).

Начальник правого фланта Евдокимов, зная меня и прежде, был очень доволен моим к нему приездом. Служа с ним до открытия турецкой кампании, я был с ним в дружеских отношениях и он отзывался обо мне с весьма похвальной стороны.

В 1855 году на место князя Воронцова был назначен генерал Муравьев, который во время проезда своего в Тифлис через Владикавказ, между прочим, спросил меня, почему полк мой не был в деле против турок?

— Не имел случая встретиться с турецкими войсками, — ответил я.

— Надеюсь, — сказал он, — что в нынешнем году полк ваш будет иметь случай подраться с турками и покрыть себя славой.

Через десять дней после отъезда его последовало приказание сформировать из горцев в 4-х сотенном составе один полк.

Всем начальникам округов было предписано пригласить охотников. Их оказалось всего только 150 человек и потому из корпусного штаба последовало приказание поручить их одному обер-офицеру, пользующемуся между горцами уважением.

Выбор пал на моего брата, ротмистра Идриса. Хотя ни я, ни он не были довольны этим поручением, но нечего было делать. Брат мой, по настойчивым приказаниям ген. барона Вревского, должен был отвести их только до глав-



ной квартиры на турецкой границе и вернуться назад. Нарис поверил слову Вревского и, не приготавлив себя к кампании, отвел дивизион этот до главного отряда, где главнокомандующий генерал Муравьев приказал ему непременно остаться и командовать этим дивизионом. Брат мой, прослуживши там четыре месяца, вернулся назад домой с наградами: чином майора и орденом св. Станислава 2-й степ. на шею.

В том же году генерал Евдокимов был назначен начальником всей терской области и, как войска, так и все округа там расположенные, подчинились ему.

В 1856 году генерал Муравьев был смещен. Главнокомандующим Кавказской армией и наместником Кавказским был назначен князь Барятинский.

Состоя при ген. Евдокимове, я участвовал, во всех бывших экспедициях, получая разные поручения, то как начальник всей кавалерии отряда, то как начальник отдельного отряда.

Наконец, по настойчивой просьбе его я был назначен в 1857 г., 14 января, к общему удивлению, начальником Владикавказского военного округа, на место генерала Мищенко. Назначение мое на некоторое время было предметом различных суждений (между русскими).

Одни говорили, что я, начальствуя на родной земле, легко могу увлечься в пользу народных элементов и виды правительства сильно пострадают и дело испортится надолго.

Другие же говорили, что я знаю край и народ лучше всякого другого и потому начальство может требовать от меня более чем от незнающего ни край, ни народа.

Как бы то ни говорили, приказ состоялся и я был очень рад своему назначению, давшему мне случай осуществить давнишние мои искренние желания: уничтожение обычаев,

оставшихся в народе с варварских времен и разоривших их домашнее благосостояние, поддерживая постоянно вражду, вместо доброго согласия, от которого зависит народное счастье.

Кроме того, из мелких аулов я устроил большие аулы и где было возможно, развел сады, завел в некоторых аулах школы для обучения чтению и письму. Вызвал из Одессы англичанина фабриканта полевых машин. Выписал несколько плугов. Одним словом приложил все свои старания и способности, чтобы хоть сколько нибудь приучить народ пользоваться богатыми дарами природы, на которые ни один из начальствовавших русских не считал нужным обратить внимание народа, несмотря на то, что все высшее начальство на бумаге желало и даже требовало этого от них.

Здесь я помещаю копию письма графа Евдокимова к начальнику Главного Штаба ген. Милютину (ныне военный министр):

«Из писем моих и личных объяснений вашему превосходительству известно, что самую ненадежную и неустроенную часть на левом крыле был военно-осетинский округ. Не далее как год тому назад в этом округе происходили народные волнения, а разбои на дорогах и в окрестностях Владикавказа были вещь самую обыкновенную. В январе месяце нынешнего года заведывание округом поручено полковнику Кундухову и в течение семи месяцев энергичного и деятельного управления штаб-офицер этот успел возстановить в округе полный порядок и устройство. Разбои прекращены, народ предан мирным полевым занятиям, множество полезных мер введено для улучшения быта народного и в настоящее время по справедливости я должен считать Военно-Осетинский округ самую надежную и благоустроенную часть левого крыла. Желая вознаградить полезную службу полковника Кундухова и поощрить его к дальнейшей деятельности, я

имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не оставить особевным ходатайством перед г. главнокомандующим о производстве подковника Кундухова в генерал-майоры, согласно моему представлению.

Примите милостивый государь уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности, с которыми имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою.

гр. Евдокимов».

Согласно представления графа Евдокимова, я был произведен в генерал-майоры в 1860 году и в том же году сверх всякого ожидания и желания моего, я был назначен начальником Чеченского округа и командующим войсками там расположенными (одна пехотная бригада, пять линейных батальонов пехоты, один драгунский, четыре казачьих полка кавалерии).

В Чечне прежняя вражда и ненависть к русским начинала оживляться с новою силою и надеждою, так что в Нагорной Чечне шатоевцы, чабирлоевцы и ичхерияцы возстали и начали осаждать русские крепости и потому, к сожалению, я должен был оставить Осетинский округ и все что там начал заводить. (Что к прискорбию после ухода моего опять забыто народом и начальством).

Вступив в управление Чеченским округом, не теряя времени, я начал обезжечь все аулы, где как духовенство, так и жители во всех аулах откровенно высказывали мне свои жалобы и неудовольствия на окружное управление и опасения за их будущность\*).

\*) В видах улучшения народного благосостояния налагали на чеченцев огромные штрафы (с двора — 1-25 руб.), подвергали их телесному наказанию палками; вопреки закону и справедливости, за провинности назначали несоразмерные наказания и такими тяж-

Благодаря Бога мне удалось устранить бесполезную и разорительную войну. Успокоив чеченцев и войска, бывшие готовыми начать войну начал я убеждать и высшее начальство о необходимости определить и объявить чеченскому народу то, что от русского правительства их ждет в будущем, что без этого все меры и старания водворить в крае желанное спокойствие не принесут результата.

Вследствие этого главнокомандующий издал чеченскому народу следующий акт:

### ПРОКЛАМАЦИЯ ЧЕЧЕНСКОМУ НАРОДУ.

«Объявляю вам от имени Государя Императора:

1. Что правительство русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять навсегда веру ваших отцов.
2. Что от вас никогда не будут требовать солдат и не обратят вас в казани.
3. Даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта. По истечении сего срока вы должны будете, для содержания ваших народных управлений, вносить по три рубля с дома. Предоставляется однако аульным обществам самим производить раскладку этого сбора.
4. Что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранных и утвержденных начальством.
5. Что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше и только в случае

или карами сами готовили их к возстанию.

М. К.



нарушения верности Государю Императору изменой или возмущением лишаетесь вы владения ими.

6. Что обычай кровомщения (канлы), как противный народному благосостоянию, уничтожается, а убийцы будут судимы и наказываемы по русским законам.

Подлинную подписал главнокомандующий Кавказской армией и наместник Кавказа,

ген. фельдмаршал кн. Барятинский.

Получив акт этот, при предписании графа Евдокимова для вручения его чеченскому народу, я был обрадован как некогда в жизни (хотя, как впоследствии оказалось, радоваться было нечему) и предписал всем набрам приехать с почетными людьми в крепость Грозную.

К назначенному дню собрались несколько тысяч народу, которому по прочтении я вручил акт для хранения, как неизменный закон. При этом пожелав, чтобы весь народ также знал о бывшем во время сбора разговоре и о силе и важности врученного акта обратился к нему со следующим письмом:

«Народ чеченский! Вступив в управление вами в настоящем году 17 числа июля месяца, я первым делом поставил себе, как начальник, поскорей познакомиться с вами и в течение августа месяца был во всех аулах Большой и Малой Чечни. Приятно и умилительно было мне когда вы убедились в своих ошибках и заблуждениях. При мне вы дали во всех аулах между собою клятву вести себя хорошо и честным трудом улучшать свое хозяйство, которое, как вы сами выражались, вследствие несчастной 20-летней войны до крайности разорено.

Вы тогда же, между прочим, во всех аулах откровенно и одинаково высказывали мне свои опасения о неопределенности вашей будущности.

Все, что я говорил о необосновательном опасении вашем и несправедливости толков, распускаемых между вами неблагонамеренными людьми, теперь доказано на деле.

Милость Государя чеченскому народу, объявленная уже вам на сборе всех почетных людей ваших, обрадовала меня больше нежели вас самих. Более добра, более милости народу сделать нельзя. Каждый из вас вполне должен успокоиться не только за свою будущность, но и за будущность своих наследников. Разумеется дальнейшее потомство лучше оценит эти милости. Оно будет жить в довольствии на богатой земле, будет благословлять вас, шедков своих, удостоившихся получить эти права. Чеченцы, если бы ваши отцы, ваши братья, погибшие с оружием в руках в вышесказанной несчастной войне, могли встать и говорить, они сказали бы вам: «дети и братья, молитесь Богу, благодарите Государя и начальство, предоставившее вам эти милости. Вы получаете то, чего ни вы, ни мы не ожидали».

Чеченцы! Мне же, как начальнику и елиноземцу вашему, понимающему хорошо милости эти, грешно было бы не дать вам благой совет: берегите права эти как глаз свой, бойтесь потерять их, ибо если вы их потеряете, то ни вы, ни дети ваши более их никогда не получите. Не забывайте ваши обещания и мои наставления, которые мы при сборе в каждом ауле давали друг другу.

Чеченцы! Не позволяйте обманывать себя неблагонамеренным людям, которые под личиной добра, делают вам зло. Старайтесь уничтожить существующие между вами вредные и даже постыдные привычки: воровство, разбой, грабежи и убийства. Они Богу противны, не соответствуют духу настоящего времени и считались достоинством во времена безначалия и глубокого невежества, т. е. во время (мажусы), когда никто из кавказских горцев не знал

как Богу служить, что Ему приятно, что противно. К несчастью, тогдашние привычки и понятия между нашими горскими племенами до сих пор передаются от отца к сыну, как заразительная болезнь. Слова эти говорю вам чистосердечно, как собрат по религии. Уверен, что умные люди, верующие в единого Бога, поймут меня. Тех же, что не поймут меня, заставьте понять сами. Этого требует польза народа. Иначе, ошибка вас погубит. Хотя чувства мои я лично уже передавал при сборе всем почетным людям вашим, но желая, чтобы они были известны всем чеченцам, от ребенка, до старика, я прошу кадиев и мулл прочесть это при общем собрании народа в мечетях в каждом ауле».

После врученного чеченцам акта, я имел возможность скоро и без особенных жертв, водворить полное спокойствие не только в Чечне, но даже в Шатой и Ичкоре, куда ходил с отрядами и всех бывших непокорных и скрывававшихся в лесах выселил на плоскость и водворил их в больших аулах, так что в 1861 году в крае, кроме левого фланга, не осталось ни одного непокорного человека.

Народ начал усердно заниматься устройством до крайности разоренного хозяйства. В крепости Грозной я завел школу, где чеченские дети обучались по арабски, по русски и азбуке только что составленной для чеченского языка генералом бароном Усларом.

С Усларом я познакомился в 1837 г. во Владикавказе. Имел много случаев пользовать-

ся его занимательными и очень полезными беседами. Чем больше я его узнавал, тем больше росло мое к нему уважение\*).

Высшее начальство ценило и поощряло мою службу больше, чем я мог ожидать. В течение двух лет я был награжден чином генерал-майора, орденами Анны и Станислава 1-й степени и арендою 12 тысяч рублей. Желая расширить мое управление к округу моему оно решило присоединить еще два округа: Шатовский и Ечяринский.

Будучи уверен, что я успею оказать большую пользу службе и краю, я не знал усталости и готов был день и ночь трудиться.

Муса Кундухов.

(Продолжение следует).

\*) Генерального Штаба генерал-майор барон К. П. Услар несомненно принадлежал к числу тех людей, которые вполне понимают обязанности человека и строго их исполняют. Барон Услар с обширными познаниями своими, стремясь к общему благу, внушал мысль употребить против кавказских горцев вместо смертоносного оружия семана цивилизации. Он имеет неотъемлемое право на чувство глубокой благодарности горцев, в особенности абхазского и чеченского народов, в пользу коих он много работал и трудился. М. К.



# Великий всероссийский обман

Ш\*).

Это такая мадам Жемчужина?

А это, видите ли, супруга советского сабовника Молотова, главноуправляющая трестом «Теже», недавно прожившая почти полгода за границей, — в Европе и в Америке, — специально командированная для усовершенствования косметического дела в пролетарском государстве по образцам капиталистических стран.

Это она — нарядная, раскормленная женщина, так свободно говорящая по немецки, — вместе с другой благоухающей и нарядной «пролетаркой», мадам Трояновской, супругой советского посла в Вашингтоне, посетила президентский Белый Дом и беседовала с миссис Рузвельт о косметических потребностях российских работниц, признающих, оказывается, только высшие сорта ароматного мыла и духов.

Выехало, в сущности, по этому поводу из Москвы целое экстраординарное посольство всяких представителей мыловаренного и парфюмерного ведомств, инженеров - химиков и косметических фармацевтов во главе с техническим директором треста «Теже» гражданином Вайнштейном. Но всех их возглавляла супруга сабовника, то бишь товарища Молотова — несравненная мадам Жемчужина.

Уже в самом выборе псевдонима какой-то сказывается тонкий вкус: какое звучное русское слово, — Жемчужина, — это не то, что, например, мадам Бриллиант или — упаси Боже — мадам Рубинчик, да и к тому же «жемчужина» так подходит к рекламным космети-

ческим этикеткам, недаром здесь, в Париже, один из высших сортов пудры рекламируется: «жемчужная пудра, это жемчужина пудр».

Когда то славилась в русской провинции «Нильская лилия» Ралле, была еще «Персидская сирень» различных фирм и марок, но все это слишком интернационально, названия непатриотичны, это царский режим допускал такие вольности, — теперь, при советском самовластии вырабатываются духи только родной почвы советского союза даже по имени: «Украинский жасмин», «Роза Туркестана». Но чтобы духи эти своим высоким качеством могли удовлетворить изысканные вкусы пробудившегося народа, вот и отправилась для усовершенствования дела косметическая директриса мадам Жемчужина вместе с техником — директором Вайнштейном и прочими фармацевтами, прежде всего, конечно, на юг Франции, на Ривьеру, но попутно заглянула, между прочим, и в Америку, чтобы повидаться с мадам Трояновской и быть представленной миссис Рузвельт.

А куда рекомендуется посылать в Россию хотя бы самого низшего качества кухонное марсельское мыло даже при очень высокой пошлине: оно там жизненно необходимо.

\*\*

«Если только какойнибудь дерзкий враг осмелится посягнуть на нашу новую жизнь и счастливую страну — горе ему! Вмиг оседаем мы наших лихих казацких коней, и не поздоровится врагу от нашей острой шашки и меткой казацкой пули!»

Что это такое? Из сказки? Из былины? Из «Тараса Бульбы»? Или может быть немного

\* ) См. «Кавказ» № 4/28.

искаженный обрывок патристической лубочной прокламации «доброе старое время», если не «времен Очакова и покорения Крыма», то последних императорских войн — японской? германской?

Нет, — это самое последнее советское творчество, одно из последних достижений великого социалистического опыта: только недавно напечатанное в советских газетах письмо казаков (донских, кубанских и проч.) — «дорогому и любимому товарищу Сталину».

Только-только не сказано: «всюду». Чуть-чуть подождем еще: будет и это, — ведь надо оставить немного простора и, для дальнейшей эволюции великорусского социализма — великого всероссийского обмана, обольщающего мировой пролетариат.

\*\*

А что скажут представители этого пролетариата, недовольные своей долей рабочие и безработные, по поводу таких, например, объявлений московских газет?

«К майским праздникам, обеспечен полный выбор закусок, вин лучших сортов, печенья, кексы, торты, ромовые бабы, конфеты и другие виды кондитерских изделий».

«Горжеты черно-бурой дысы, воротники горносталя, выхухоля, палантины из соболя, норки и друг. мехов.»

«Большой выбор золотых, платиновых, серебряных изделий, с бриллиантами и цветными камнями, жемчужные ожерелья, антикварные и художественные предметы из фарфора, мрамора, хрустала, сибирских камней».

«Лучший в Москве ресторан «Аврора»: русская и французская кухня, ежедневно с двух часов обеда, большой выбор всевозможных вин, с трех часов для саловный оркестр, вечером джаз, танцы».

Словом — не жизнь, а малина.

И правда, торгуют и содержат эти учрежде-

ния не частные лица — капиталисты, а капиталист — государство, через организации всяких Мосторгов с Жемчужинными - Вайнгштейнами во главе, но пролетариату от того не легче, и этой жизнью - малиной, увы, пользуются не даром, не в порядке коллективного равенства и коммунистического товарищества, а платя и платя очень дорого, значительно дороже, чем приходится платить в Европе и в Америке.

А так как нормальный заработок в России в несколько раз меньше, чем в «буржуазных» странах, то все эти соблазнительные объявления печатаются только для товарищей-сановников, но не для товарищей-рабочих.

А даром в Москве ничего не дают, — не только такого «супа популяр», как в Париже, но даже куска старой оберточной бумаги.

Что же касается ромовых тортов и тонких вин, то, согласно древней народной поговорке: «по усам текло, да в рот не попало». В России, впрочем, в народной массе к этому давно привыкли, но вот пролетариату буржуазных стран едва ли это придется по вкусу.

\*\*

Кто же все таки покупает в этих соблазняющих взор магазинах? Кто кутит во всяких «Аврорах» и душитя «Розой Туркестана»? Сановники и их жены — это само собой, но таким, конечно, как товарищ Литвинов и его супруга, не зачем и в магазины ходить изливаться с шубанкой рестораноов, — им все необходимое в изобилии доставляют в их роскошные особняки — и свежую икру, и шампанское, и ликеры, и балыки, и если понадобится — что из мехов, драгоценностей или тонкой парфюмерии.

Клиенту для потребления предметов роскоши, того расточительного потребления, которое теперь так поощряется «коммунистиче-



ской» властью, поставляют так называемые «ответственные».

«Ответственные» — это те, что стоят во главе всяких трестов, заведуют государственным строительством, организацией обороны, а главное, конечно, прикосновенны к монополиям внешней торговли, ко всякого рода сношениям и связям с иностранным капиталом, к кредитным операциям с банками буржуазных стран.

Это, в сущности, в значительной мере те же маклера и комиссионеры по крупным финансовым и торговым сделкам государственного размаха, которые во всех странах мира представляют собою самый денежный и расточительный класс. В России, конечно, все это сравнительно и грубо, и убого, но сущность та же. Руководящая страна мирового коммунизма выделяет свою денежную элиту — буржуазию или аристократию — назовите, как угодно — присоединяя к ней для некоторого своеобразного колорита (такая местная окраска имеется, конечно, всюду — в каждой стране) еще и некоторых более склонных к эпикурейству сибаритов коммутерна. Ведь известно, что очень многие представители такового весьма любят и европейские палас-отели и первосортную гастрономию и податливых, но шикарных женщин.

Обо всех этих «ответственных» господах подробно нам повествует московский корреспондент «Социалистического Вестника».

Их можно отличить уже сразу, по внешнему виду, по повадкам. — «Ответственный человек» хорошо одет; щеки его круглы, — рассказывает корреспондент, — в кафе он требует себе замысловатые напитки и закуски: вот это, мол, я ел или пил в Нью-Йорке, вот так подают в Париже и в Лондоне, — заведите у нас, чтобы наши трудящиеся с этим познакомилась...

Самые жалкие и ничтожные из «ответственных» зарабатывают по несколько тысяч в месяц, но некоторые переходят и в десятки. Конечно, на капиталистический масштаб это пустяки, но заработков уже скрывать не приходится: есть, чем платить — живи во всю — кушай икру, пей шампанское и коньяк.

А как считается подлинный советский пролетарий с заработком сто рублей в месяц (300 франков), при цене за kilo хлеба втрое дороже, чем, напр., во Франции, где цена сравнительно высока, — об этом уже никто больше не думает: беден — сам виноват, — значит, бездарность.

Жизнь в радостном социалистическом отечестве устроили так, что цены на разные предметы, в том числе и на некоторые продукты питания (это в России-то!), или первой необходимости — и в пять и даже в десять раз выше, чем в Европе и в Америке.

Тем не менее у «ответственных» есть и квартиры, и в них живущая прислуга, и для детей бонны и гувернантки. Прислуги насчитывается в Москве до 70 тыс. человек.

Корреспондент описывает один банкет, на котором присутствовал. Выпивка, конечно, развязала языки: прославляют Сталина и его новый режим.

— Я прежде, — говорит один из участников, — приезжал на фабрику и мяся — могу ли попросить товарища швейцара взять у меня шубу? А теперь — ого!...

\*\*

Действительно — ого!...

Великий опыт социализма — великий всероссийский обман...

Все это случайно вырванные из газет заметки, — если их систематически подбирать — можно составить куда более яркую и полную картину. Но что бы почувствовать атмосферу, достаточно и этого: безответственный ку-

тель ответственных, веселая и разгульная жизнь тех, у кого деньги, и в качестве государственной опоры — острая казачья шашка и меткая казачья пуля...

Как будто бы знакомо? Только куда грубее, грязнее, безсовестней. На фоне такой ни-

щеты, таких страданий, и такого застенка, каких раньше не было.

Обрывки, картинка... Попробней погово-  
рим дальше.

В. Оленин.

## Роль грузинских меньшевиков в войне 1921 г.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ\*)

Но раньше чем изложить вам какие приказания были мною отданы на случай этой возможной неожиданной атаки и неожиданно-го восстания армян и русских, позвольте мне изложить свой взгляд на роль главнокомандующего во всякой войне, и у нас в особенности, и на ту роль, которую пытались играть, и в действительности сыграли политические деятели в борчалинском восстании. Вы вероятно слышали, много раз повторяемый и малоисполняемый афоризм некоторых военных и политических вождей: «каждый на своем месте должен исполнять свой долг». В этом афоризме речь, конечно, идет, в особенности, о таких сложных вещах, как управление государством, вождение войск на театре военных действий и проч. Но наши, за время нашего трехлетнего самостоятельного существования придерживались иного правила: делать на своем месте не только свое дело, но и, главным образом, чужое дело, даже много чужих дел. Верный этому принципу, председатель нашего правительства, обремененный тысячу своих и многими тысячами чужих дел, вплоть до квартирного вопроса в Тифлисе включительно, взял

на себя и еще одно дело: учить главнокомандующего, как нужно командовать войсками: «Нашей маленькой армией, — учил он меня, — нужно командовать так, как командовал царь Ираклий II, — нужно сесть на лошадь и быть вместе с войсками на поле сражения». Армия у нас, его же, главным образом, милостью, действительно была не только маленькой, но и малюсенькой, хотя и много раз превосходившей войска Ираклия; но театр то дейсвий был не маленький: это были не окрестности Ахалцыха или Эривани, на которых подвизался блестящий царь Карталинии и Кахетии, а вся Грузия, от Батума и Гагр, до Лагодехи, т. е. от крайних западных границ до крайних восточных, и от крайних северных границ до крайних южных: это 600 верст по воздуху в одном направлении и 200 верст в другом. Это 1.500 верст фронта войны в горной местности при пяти далеких друг от друга фронтах и при 18.000 наших против 130.000 неприятеля... При этом обстановка была настолько сложна и неясна для всех, что внимание и военных, и политиков, и главнокомандования и министра иностранных дел было приковано не только к русским, но и к туркам, не только по направлению Баку и Сухума, но и по на-

\*) См. «Кавказ» ном. 1/25 и 3/27.

правлению к Александрополю и Батуму. При таком положении дел учить главнокомандующего, что ему нужно сидеть верхом и быть «на фронте» — это верх смелости!... Скажу больше, верх забывчивости, столь свойственной Нюю Жордания: Совет Обороны, в котором он был председателем, проводя штаты главнокомандующего, отказал мне в верховой лошади, на том основании, что я должен управлять всем из Тифлиса и что мне довольно и одного автомобиля... Причина нашей беды была не в лицах, фигурировавших на командных постах во время войны, а в системе подготовки страны и нации для защиты ее свободы и самостоятельности. Роль главнокомандующего, при той обстановке, которую я только что нарисовал, заключалась, как и вообще во всех случаях, в том, что из центрального пункта, удобного для управления войсками на всех пяти театрах одновременно, руководить всей войной, а не боем нескольких батальонов у Садахло, для которого был специальный начальник; давать общие ориентировки и указания, задача же и средства к их исполнению — дело командующих фронтами, которые для того и были назначены, чтоб командовать своими фронтами и отвечать за них. В частности командующий юго-восточным фронтом был выбран самим Советом Обороны, по особому к нему доверию гвардии и с.-д. партии. Это был Иосиф Гедеванов. Если бы с самого начала я не дал ему возможности исполнять на своем месте свой долг и увлекся бы, скажем, лично боями у Садахло, то, во первых, я бы ему помешал, парализовал бы его волю, взял бы на себя его дело и мог бы упустить события на другом фронте, например: Сухумском. Кто из вас мог бы сказать тогда в Тифлисе, в феврале 1921 года, и даже может сказать сейчас, в Константинополе, в феврале 1922 года, какой из двух фронтов был важнее — Сухум-

ский или Борчалинский? И в этом и в другом направлении против нас стояло по целой армии, и если важно было оборонять Тифлис с его громадным моральным значением, то немаловажно было думать и о западной Грузии, о Батуме и Потии с их громадным материальным значением: откуда мы ждали со дня на день всего того, что нужно было армии, а ей нужно было все: у нее не было ничего — ни одежды, ни хлеба, ни патронов, ни достаточно оружия. Все это столь элементарно, что об этом не принято много говорить, как не принято доказывать, что  $2+2=4$ . Но моим учителям нужно об этом говорить долго и подробно: ведь меня учил не только Жордания, но и Чичинадзе, — этот учил меня писать приказы. Если бы покойный, лично мне очень симпатичный своей широкой честностью и глубиной, нежною любовью к родине, был сейчас жив, он бы, конечно, услышал от меня здесь подробное разъяснение, почему в военной среде начальник говорит или пишет своему подчиненному: «Я вам приказываю, помимо всех препятствий и, не считаясь с числом недетых людей, прибыть своим батальонам немедленно в Тифлис», и почему он никогда не позволит себе «энергичного» добавления: «а то я вас посажу в тюрьму». Здесь, в Константинополе, после потери родины от избытка «энергии» и недостатка государственного ума и государственного опыта, он бы понял, что эти «энергичные» добавления, убивают энергию и парализуют ум. Итак, как главнокомандующий я давал командующим фронтами ближайшие задачи, возможные средства к их решению, ориентировал их в их специальных задачах и в общей для всей армии задаче, а решение, в особенности способы решения, подробности тактики предоставлял им. Иначе я не поступал никогда, при обстановке схожей с нашей, и впрямь бы не поступал, если бы жизнь, не

дай Бог, заставила меня когда либо опять быть главнокомандующим голодной, голой и безоружной армии, созданной главарями нашей с.-д. партии. Соответственно с этим моим пониманием роли главнокомандующего я, до сосредоточения всей гвардии и всех предназначенных батальонов к юго - востоку от Тифлиса, и значительно ранее внезапного нападения на нас 11 февраля, отдал командующему фронтом Иосифу Гедеванову приказание, сущность которого сводилась к следующему:

а) Наступление возможно с юга, со стороны турок и армянских банд и с юго-востока, со стороны русских.

б) Наступление, вероятно, начнется одновременно по трем направлениям: 1) широкой полосой между Красным Мостом и деревней Садахло на Тифлис, 2) по Санаинскому направлению и 3) по Лорийскому (Воронцовскому) направлению.

в) Одновременно с этим начнется наступление, где демонстративное, а где и серьезное, на Кахетию, на Тифлис через Пойлинский Мост, на Сухум, а, может быть, и на Батум. Высота перевалов и снег еще дней на 10 обезпечивают нас от наступления по Военно-Грузинской и Военно-Имеретинской дороге.

г) Первой своей задачей я, главнокомандующий, ставлю себе сохранение в наших руках Тифлиса, как столицы и как главного материального и морального центра страны.

д) Часть этой задачи к Ю.-В. от Тифлиса я поручаю войскам, подчиненным генералу Иосифу Гедеванову.

е) Мы настолько слабее и малочисленнее неприятеля, как на всем театре, так и на каждом фронте в отдельности, что защищаться пассивно мы не в силах: мы можем и должны действовать только активно, маневрируя.

ж) Обстановка еще не вполне ясна; осо-

бенно неясно намерение турок. Однако, мы точно знаем, что русские massируются ше у самого Красного Моста и Пойли, а южнее, как бы притягивая свой левый фланг к туркам и армянским бандам для связи с ними.

з) До окончательного выяснения обстановки, держать ядро сосредотачиваемых войск к югу и юго-востоку от Тифлиса, в центре четырехугольника Сандар — Екатериненфельд — Садахло — Калаган, а авангардами занять направления: Лорийское, Санаинское и фронт Красный Мост — Герпли. Возможно, что я отдам вам приказание наступать ядром через Красный Мост в общем направлении на Казах, чтобы отрезать Кульшинскую группу русских от их путей сообщения.

и) Относительно авангардов и передовых отрядов мною было указано: на Безобдадьском перевале и в Шагалинском проходе (на Мосту) держать только наблюдательные отрядки. Так, специально относительно Шагалинского Моста было указано, что он должен наблюдаться отрядом не более взвода или полуроты, на обязанности которого лежало присмотреть за уничтожением Моста, когда обстановка этого потребует.

к) Хорошо помня печальный опыт Санаинских событий армянской войны, я отдал Иосифу Гедеванову, задолго до нападения 11 февраля, словесный приказ, который я в тот же день повторил письменно по телеграфу, диктуя его начальнику штаба ген. Захариадзе, который здесь перед вами является живым свидетелем этого факта. Сущность этого приказа заключается в следующем: (я прошу ген. Захариадзе меня поправить, если где либо ошибусь).

1) Помните печальный опыт Санаинских событий армяно - грузинской войны.

2) Не располагайте южнее Садахло да-

наблюдения за Бамбакским ущельем больше одного батальона (т. е. 700 штыков). Батальон этот должен быть расположен компактно, а передовой отряд у Шагалки не должен превышать взвода, самое большое подуроты.

3) Все остальное из ваших трех батальонов держите компактно в кулаке, не южнее д. Садахло.

4) Предупредите все ваши войска, что нападения армян — местных жителей — нужно ждать во всякий день и час: по моему, они не надежны очень.

5) На случай неожиданного нападения Борчалинских армян — местных жителей — нужно действовать беспощадно.

6) На случай, если местные жители отрезают пути отступления вашим передовым отрядам, им нужно указать пути отступления по горам (здесь я подробно перечислял горные дороги, проходящие через греческие, татарские и провинские места и вообще более безопасные от армян — их сейчас не помню, нет подробной карты под рукой); эти горные дороги должны быть сейчас же изучены и обречиспированы.

Вот распоряжения, которые я заблаговременно отдал Иосифу Гедеванову письменно. Документы на все это остались в Штабе. Некоторые из этих распоряжений я несколько раз словесно повторил и в Тифлисе и в Садахло, когда я там был. Обыкновенно столь подробных распоряжений главнокомандующий благоустроенной армии с нормальными (не революционными) генералами — не дает, — это не его дело, это считается вмешательством с его стороны в обязанности и в права подчиненного. Лейт-мотив всех этих распоряжений, как вы видите один: не разбрасывайте ваших сил, берегитесь внезапного нападения армян. И тем не менее и военные и невоенные мои критики, «надежды которых я не оправдал», кричат на всех углах, что я разбросал свои силы... Это, конечно, не так. Силы в действительности были несколько разбросаны, но не мною, а самим командующим фронтом помимо моего категорического приказа этого не делать. И такому, не совсем правильному распоряжению Иосифа Гедеванова были причины, оправдания и некоторые объяснения.

(Продолжение следует).

И. Одишелидзе.

## Обзор печати

### СЛОВАЦКИЙ МЕМОРАНДУМ

Мы уже вкратце отмечали в февральском номере «Кавказа», что национальная организация «Словацкий Совет» 28 января 1936 г. представила Лиге Наций мотивированный протест против пакта, заключенного правительством Чехословакии с Советской Россией. Организация эта, как известно, враждебна включению Словакии в Чехословацкую республику,

считая свой народ и его территорию политически связанными с соседней Венгрией. В настоящее время «Словацкий Совет» привлекает внимание Лиги Наций на тот факт, что договор с Советской Россией представляет собой самую реальную угрозу для европейского мира, делая Словакию базой для советской военной авиации.

Сейчас меморандум этот издан большой

отдельной брошюрой с приложением карты и целого ряда откликов, появившихся за истекшее с января время в различных странах Европы. «Словацкий Совет» настаивает на том, что правительство Чехословакии спешно подготавливает в восточной части республики все необходимое для военной деятельности советской авиации — аэродромы, подземные ангары, резервуары горючего и т. п. Эти указания вызвали уже целый ряд комментариев не только в соседних странах, встревоженных таким сообщением, прежде всего, в Польше и в Венгрии, затем в Германии, в Австрии, но также во Франции, в Италии, в Англии, и даже в Голландии.

Брошюра приводит содержание отдельных мнений лиц и газет, уже высказавшихся по этому поводу: все единодушно говорят о чрезвычайно опасной для Европы возможности внедрения советской военной авиации в самое сердце континента. Тут опасность двоякая: не только красная, коммунистическая, но и российская, империалистическая, — все того же «русского медведя, допускаемого теперь в беззащитный бассейн Дуная», как выразился один из авторов — венгерский полковник генерального штаба. Очень встревожены, конечно, поляки, так как лишь узкая полоса польской территории отделяет Россию от Словакии. Обстоятельна и интересна статья бывшего венгерского премьера, графа Бетлена, и длинная французская статья Андре Отта — бывшего комбатанта добровольца.

### «СЕВЕР И ЮГ»

Под таким заглавием в «Усабере» (1 мая) напечатана обширная передовая статья, посвященная прочитанному недавно в Париже кн. Д. Вачнадзе докладу на тему: «Грузия между Севером и Югом».

Издавая содержание доклада «Усабер» отмечает, что в течение столетий грузины и армяне были добрыми и верными соседями и воздает хвалу «мужеству» докладчика, посмевшего открыто говорить «не только об опасности с Севера, но и с Юга».

Попутно «Усабер» возвращается к цитированной нами («Кавказ» № 2/26, февраль 1935) статье своей «Возврат к прошлому», в которой армянская газета, говоря об исторических связях Грузии и Армении и некоторых недавних ошибках, призывала оба народа к возрождению былых дружеских отношений, видя в них залог общей силы, способной обеспечить Грузии и Армении возможность «диктовать свою волю нашему окружению».

Приветствуя тенденцию «звонящую к забвению старых ошибок и к восстановлению исторической дружбы и политического сотрудничества» между этими членами кавказской семьи мы выражали сожаление, что призыв «Усабера» не обращен в одинаковой мере и к остальным кавказским народам и напоминали почтенному армянскому органу, что на Кавказе бок о бок с ними и грузинами живут миллионы азербейджанцев и горцев Сев. Кавказа...

Отвечая нам «Усабер» замечает:

«Ошибочно поняв наши слова, «Кавказ» в наших мыслях нашел угрозу по адресу других наций. Между тем наши слова были обращены также и к ним. То есть при всяком поводе мы напоминаем им, что наша независимость имеет врагов не только на Севере, но и на Юге...

С сожалением констатируем, что эта примитивная правда осталась недосягаемой для закавказских народов. Они не поняли, что судьба повелела нам объединить нашу волю и силы для совместной борьбы во имя свободы нашей коллектив-

ной родины не только против Севера, но и Юга, совместно с не свободными народами, живущими на Севере и на Юге... (подчеркнуто нами. Ред.).

Если «Усабер» придает большое значение докладу, то это потому, что Вачнадзе является одним из главнейших политических деятелей группы.

Если бы догмат докладчика, заканчивающий кайрская газета, сделался бы догматом всего его народа, то этот факт сам по себе сыграл бы решающую роль для всего Закавказья».

Комментарии к этой статье читатели найдут в нашей передовой статье.

### АРМЯНСКИЙ «НАРОДНЫЙ ФРОНТ»

В последнее время в армянской прессе раздаются робкие голоса, просящие создания армянского «народного фронта», подобного французскому и стремящиеся к отысканию общего языка с большевиками. В этом направлении особенно усердствуют эмигрантские коммунистические газеты.

По этому поводу наш сотрудник Ашот Арцруни в парижской армянской газете «Арач» разъясняет, почему для армян не приемлема такая тактика.

«Во первых, пишет Ашот Арцруни, идея объединения для большевиков элитный товар, имеющий целью разложить борющиеся за независимость своей родины эмигрантские ряды. Тот факт, что большевики свои призывы адресуют только к ригонным эмигрантам, — заявляя в то же время, что борьбу против эмигрантских главнейших будут продолжать — доказывает уже какой цели они добиваются.

Во вторых, сотрудничать с большевиками, это значит защищать советский

фронт и отказаться от всех тех принципов и идей, во имя которых мы ведем борьбу столько лет.

В третьих, объединение означает примирение с российской гегемонией над нашей страной и согласие поставить ее под вечную угрозу враждебных ей внешних сил.

В четвертых, создание народного фронта равносильно отказу вообще от борьбы во имя освобождения нашей страны, ибо ведь до сих пор борьбу против хозяйственного, административного и морального произвола большевиков, этим соглашательским актом мы одобрили бы все злодеяния красных в нашей стране и аннулировали всю нашу предшествующую работу. Вывод: соглашаясь сотрудничать с большевиками, антисоветские элементы не только изменяют своей родине, но и совершают акт самоубийства.

### «АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЙ УНИОН»

### ВОЗЗВАНИЕ К АРМЯНСКОМУ И ГРУЗИНСКОМУ НАРОДАМ

Дорогие сородичи, армяне и грузины!

Пробил час истории, повелительно диктующий армянскому и грузинскому народам вернуться на их старый, верный и спасительный путь единства.

Политический хаос, воцарившийся на континенте Европы, надвигающаяся гроза с Дальнего Востока, влекут мир к новой грандиозной и, быть может, всемирной войне.

Созданной террором, рабством и голодом Русской Советской Империи грядущие грозные события готовят неизбежное крушение.

Обезличенные, обезоруженные закавказские народы непосредственно стоят под угро-





анских» симпатиях к грузинам и армянам и вовлекая их в свою орбиту, Россия еще в XVIII веке, во времена Петра Великого, Екатерины II, Павла I не раз ввергала эти народы в величайшие бедствия, в критические моменты бросая их одинокими на поле брани в тиски мстительных и сильных врагов. В наш век Россия вновь повторила прошлое, когда в 1917 г. она внезапно оставила Кавказский фронт, предоставив беззащитных армян и грузин воле наступающих турецких армий.

Русская красная империя, в которой все решительно — декорация и обман, на случай, внешних осложнений готовит армянам и грузинам еще худшую участь: по неопровергнутым до сего дня серьезным сведениям, в случае осложнений, внешняя Россия, по тайному соглашению, предоставляет своей союзнице Турция право на занятие Закавказья. Во исполнение этого турецкий генеральный штаб за последнее время заранее и спешно подготавливает в военном отношении обширные Карский и Ардаганский плацдармы, проводит к границам Закавказья новые жел. дор. пути, сооружая дороги и сосредотачивая крупные военные силы в своих «восточных вилайетах».

Учитывая все эти прошлые, а с ними настоящие и грядущие события, грозные по своим последствиям для судеб закавказских народов, Армяно-Грузинский Унион обращается ко всем армянам и грузинам, без различия групп и партий, там, на родине, и здесь, за рубежом, с горячим призывом: по примерам прошлых веков, объединиться в одну общую грузино-армянскую твердыню со всеми своими моральными, интеллектуальными и материальными силами.

Не отрицая наличия тех спорных вопросов, которые разделяли в недавнем прошлом грузин и армян, в виду опасностей, грозящих самому существованию этих народов, Унион считает, что эти споры имеют второстепенное значение.

Освобожденные общими силами и тесным сотрудничеством от иноземного ига грузинский и армянский народы всегда найдут способы разрешать их полюбовно, с соблюдением взаимных интересов.

Одновременно Унион рассчитывает, что их многовековые соседи, азербейджанцы и горцы Сев. Кавказа, с которыми грузины и армяне имеют общие интересы и цели, с исключительным сочувствием встретят армяно-грузинское единство, отсутствие которого в недавнем прошлом и явилось одной из причин потери нашей общей родины — Свободного Кавказа.

Унион верит, что единение кавказских народов в наше время уже не миф. Примером ему служат события 1930 г., когда, по официальным сообщениям советских властей Закавказья, «против советской власти объединились все: дело дошло до того, что во главе тюркского восстания стоял армянский священник, в районе Даралагеза армяне вели борьбу под начальством тюркских руководителей, а в районе Шамхорском имам привел к присяге шиитов суннитов, григориан и православных» («Бакинский Рабочий» от 18 июня 1930 г.).

Основные цели Армяно-Грузинского Униона ясны и жизненны:

Унион борется наравне с остальными кавказскими республиками за восстановление независимости Грузии и Армении в национально-территориальных пределах, достаточных для их нормального государственного существования.

Унион одновременно ставит своей задачей объединение на тесных союзных основах четырех свободных кавказских республик и их защиту общими силами от посягательства на них с чьей бы то ни было стороны.

Итак, дорогие сородичи, армяне и грузины, — служители церкви, ученые и писатели, культуртрегеры, деятели политических партий, молодежь — несите все ваши силы, таланты

и средства на алтарь армяно-грузинского единства.

Черпайте вашу веру, антузизм в великом прошлом армяно-грузинской братской героической борьбы за свои родные земли, за свою национальную свободу.

### Армяно-Грузинский Унион.

Май 1936 г.

Настоящее воззвание раздавалось 24 мая в Париже в Армянской Церкви лицам бывшим на панихиде по грузинским и армянским комбатантам.

В статье Шалва Амiredжиби «Армяно-Грузинский Унион» и в передовой статье читатели найдут наш отклик на это новое начинание группы армян и грузин.

## ИЗЪ СТАРОЙ И НОВОЙ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО МЕНЬШЕВИЗМА

В «Брдзалис Хма» напечатано слово видного меньшевика г. Эрадзе, произнесенное им на партийном собрании, по поводу все того же пресловутого «сорокалетия» существования грузинской социал-демократии.

Г. Эрадзе характерная фигура в рядах меньшевиков. По былой своей профессии он плотник. Революционным движением увлекся молодым и стал пропагандистом марксизма. Он был в числе главных организаторов тех частых и безцельных забастовок в Батуме, которые вынудили Ротшильда и других крупных нефтепромышленников, закрыть свои заводы в этом городе и перенести их в Александрию. 15 тысяч рабочих, комплектовавшихся преимущественно из сельчан, потеряли хорошие заработки.

В эпоху независимости Грузии он был министром продовольствия меньшевизского правительства. Претензия марксистов, лучше других устраивать хозяйственную жизнь и доволь-

ствовать народ, не оправдалась. Меньшевицкий министр так скверно кормил народ, что против него возстали даже левые депутаты Учредительного Собрания.

В эмиграции он покинул «ядро» партии и числился в оппозиции не только к партийному руководству, но и «бывшему правительству», членом которого когда то он состоял. Совершенно особо нужно упомянуть и о том, что всю свою партийно-революционную работу он провел под кличками «Бродяги», «Хунхуза», «Галерки» и друг. Подобные «революционные» клички у грузинских меньшевиков были в особой моде и сами могут говорить об этической сущности той революции, которую эти господа готовили.

Свое слово г. Эрадзе начинает с того, как грузинские рабочие сильно задумывались над тем, чтобы по примеру французской революции, во главе русской революции не очутились бы люди, которые поступили бы с русскими рабочими так же, как французская буржуазия с французским пролетариатом. Но рабочие не посмотрели. Враг пришел не из противоположного класса, впрочем слабого, а из рядов собственной партии. Это были большевики. Но г. Эрадзе полагает, что в большевизме повинна особая русская жизнь, а не марксизм, из которого выпли по нашему разумению и большевизм и меньшевизм.

Г. Эрадзе не скрывает, что, действительно, как мы уже не раз писали об этом, до 1919 года никакой грузинской социал-демократической партии не существовало. Была одна Российская партия марксистов и ее верные грузинские адепты. Но, как утверждает г. Эрадзе, разница, «как в форме, так и в содержании» народного движения в России и Грузии была огромна.

В доказательство рассказывает следующее «Мне случилось побывать в Финляндии,



тогда Аксельрод читал свой доклад о «Созыве Всероссийского Рабочего Съезда». В частной беседе Аксельрод расспрашивал меня о работе нашей партии в Грузии и спросил, между прочим и о том, сколько членов у нашей организации в Тифлисе и сколько среди них интеллигентов и сколько рабочих. Когда он узнал, что членов у нас свыше десяти тысяч и что интеллигентов не больше нескольких десятков, он сказал: ты знаешь, что в Петербурге рабочих свыше полумиллиона, но в наших организациях числится 1.400 человек, из коих интеллигентов и учащихся 800 человек, а рабочих только 600. Настоящий съезд я считаю нужным для России, где рабочие остаются вне социал-демократической партии. Вам же съезд не нужен, ибо ваша социал-демократическая организация с лживой покрывает рабочий съезд».

Это конечно вздор! Вряд ли есть в мире другая такая социал-демократическая партия, в которой интеллигенты и студенты, а следовательно их болтовня и авантюризм играли такую большую роль, как в грузинской. Можно сказать больше. Верхи грузинских марксистов на две трети состояли из дворянских выходцев. Потомуки старых азнауров оказались недурными марксистами.

Вспоминает г. Эрадзе и о Сталине, который приезжал в Батум отбирать у меньшевиков рабочую организацию. Выступал против него и победил его, как уверяет г. Эрадзе, покойный Ной Рамизвили. Но г. Эрадзе ничего не говорит о том, вокруг чего шел этот спор. Мы со своей стороны можем сказать, что спорили конечно не о судьбе грузинского народа, а о революции и проблемах марксизма. Это были годы, когда грузинские меньшевики драли шкуру с каждого грузина - автономиста. Принимал в этой травле национальной идеи участие и сам г. Эрадзе.

Г. Эрадзе идет дальше и вспоминает даже про Илью Чавчавадзе, который язвительно высмеивал Эрфуртскую программу и кажется не ошибся. Сейчас все эрфуртцы: грузины, русские, немцы и др., отбывая свой эмигрантский стаж, ждут не дождутся когда «побежденный» на батумской сходке Сталин одних водворит в отечество, очищенное от скверны фашизма, других — простив их прегрешения, толпустит к своей руке. Г. Эрадзе предвещает пынешних грузинских националистов, не подражать своему духовному вождю в прошлом и не полагать вздорно, что грузинские меньшевики обанкротились и побеждены. Это место самое ценное в речи г. Эрадзе и мы его приводим:

«Обанкротившейся и побежденной грузинскую социал-демократию можно бы считать только в двух случаях: если бы вершители капитализма в Европе сумели бы вывести из анархии хозяйственный строй существующего общества и направили бы общественную жизнь по нормальному руслу, чем доказали бы преимуществу и незыблемость капиталистической системы — и если бы Сталин сумел бы осчастливить народы России и Грузии — устройством их хозяйственной и бытовой жизни... Но раз этого не случилось, то незыблемой остается та почва, из которой возникла грузинская социал-демократия. Незыблемой осталась и имеет право на существование и партия. Жизнь оправдала нас: жизнь без социализма не устраивается!»

Европа, конечно, переживает кризис, но, авось выберется. С другой стороны Сталин никого не осчастливил именно потому, что осуществлял социализм. Понятно и то и другое. Но совершенно непонятно, почему мы, исходя из этого должны кричать ура грузинским мень-

шевикам! Не мировой, а наш собственный грузинский факт таков, что прежде чем обанкротился большевизм и, подавно, прежде чем обанкротился капитализм, обанкротился меньшевизм! Ведь это больше чем ясно. Откуда видно, что жизнь оправдала меньшевиков? Г. Эрадзе готов все свалить на Сталина. Но разве Сталин не грузинский социалист, не грузинский марксист? Одно, во всяком случае, неоспоримо — погубил Грузию марксизм. И Грузия это поняла. Поймет ли это г. Эрадзе, уже не так важно.

### БОЛЬШЕВИЦКИЕ КОМПЛИМЕНТЫ ПО АДРЕСУ РАСУЛ ЗАДЕ.

В «Заре Востока» от 5-го сего мая находим статью какого то В. Тихомирова, озаглавленную «Из истории большевизмской печати в Баку».

Приводим из этой статьи, перечисляющей и оценивающей большевизмские листовки, существовавшие в Баку с 1904 по 1911 г., следующий дословный пассаж, касающийся органов большевизмской пропаганды на тюркском языке:

«Преемником «Коч-Девета» была газета «Текамюль» («Усовершенствованные»), издававшаяся с 16 декабря 1906 года до 26 марта 1907 г. Газета была за-

крыта полицией на 14-м номере. «Текамюль» являлась органом большевизмского «Гумета». «Текамюль» провела большую работу по разъяснению массам хода «сообщественных» кампаний с нефтепромышленниками, а также по вопросам иранской революции».

Пикантность этого пассажа состоит в том, что комплименты эти, расточаемые большевизмским журналистом, идут по адресу... Мамед Эмина Расул заде, тогдашнего редактора-основателя «Текамюля», бывшего лидера «Мусавата», а ныне самотитулующего себя при случае «шефом азербайджанского национального движения» (известно, что г. Расул заде, — нужно отдать ему в этом справедливость, — совершенно не боится смешного).

Поздравим товарища Расул заде с большевизмскими комплиментами и выразим сожаление, что будущий историк национального движения на Кавказе не сумеет, при всем своем желании, упомянуть таким же добрым словом г. Расул заде на его новом «амшуга».

Не потому ли, что товарищ Расул заде был, со своим «Текамюлем» гораздо более на своем месте, чем с лидерством национальной партии и с его авто-шефством «национально-го движения?».

## Письмо в редакцию

Многоуважаемый г. редактор,

В номере 12/24 журнала «Кавказ» от декабря 1935 г. в статье «Ложь не во спасение», уважаемый ее автор г. Пшемахо Коцева делает на меня ссылку, как на свидетеля беседы его с покойным Н. В. Рамшвили в Париже, когда бывший министр Грузии выражал свое сожаление по поводу ареста в Тифлисе в

1920 году г. Коцева «в виду настойчивых представлений дипломатического представителя соседней республики».

Встретившись в Париже, Н. В. Рамшвили в самых решительных и дружеских выражениях просил Пшемахо Коцева извинить его за этот вынужденный арест и забыть о тех огорчениях, кои были причинены этим прискорб-

ным фактом, о котором теперь он искренно сожалеет. Автор статьи ссылается на меня как на живого свидетеля этой сцены, который вероятно ее не «запамятовал».

Настоящим моим письмом я охотно подтверждаю сделанную на меня ссылку и удостоверяю все изложенное, как очевидец.

Одновременно пользуюсь случаем выразить редактору журнала «Кавказ» мои искренние симпатии и мое глубокое сочувствие руководимому им делу. Здесь, на месте моей работы, в горных тущабах Ирана, оторванный от всего мира, я сознаю яснее все значение для нас такого печатного органа, объединяющего наши мысли, чувства и стремления.

Я не могу особо не подчеркнуть, что ценю в «Кавказе» его смелость и правдивость, его гражданское мужество в осознании и выяснении всех ошибок прошлого. Вот уже два года, что журнал твердо держится определенной линии, сохраняя собственное свое лицо, руководящее единство в статьях всех своих постоянных сотрудников.

Следя здесь на рубеже соседних с нами стран за коренными реформами строя и жизни

монархического Ирана и республиканской Турции, я с горечью думаю о том, что будь мы, кавказцы, осмотрительнее, я даже готов сказать — умнее, мы могли бы сейчас спокойно уже не строить, а лишь достраивать и отделывать внутри наш «кавказский дом», имея за собой таких славных соседей, как иранцы и турки.

Прошлое мое достаточно говорит за то, как я люблю кавказский край, как благодарен судьбе, что когда то там родился, вырос и возмужал. Следя издали за работой вашей в Париже, во имя этого края, я не могу не пожелать успеха столь нужному для нас журналу и не приветствовать своего дорогого земляка и старого друга — глубокоуважаемого редактора.

Ибрагим Аргейд.

\*) Ибрагим Аргейд (Ибрагим хан Ибрагим бек) принимал активное участие в политической жизни Дагестана и был секретарем делегации, посланной правительством Республики Сев. Кавказа на Парижскую конференцию в 1919 г. Ред.

## ХРОНИКА

### В ПАРИЖЕ

В номере от 1 мая известного французского журнала «Ревю де Дэ Монд» напечатана статья нашего постоянного сотрудника и друга, посвященная положению семьи в Советской России. В виду исключительной ценности этой статьи мы со следующего номера начнем печатание ее в переводе автора.

### МАНИФЕСТАЦИЯ АРМЯНО-ГРУЗИНСКОЙ ДРУЖБЫ

#### Панихида по Андранике.

22 мая в «Последних Новостях» было напечатано:

24 мая в 11 ч. ут. в Армянской церкви (15,

рю Ж. Гужон) будет отслужена панихида по армянском национальном герое Андранике и грузинским и армянским бойцам, павшим за свободу. В панихиде примет участие грузинский хор исполнением вечной памяти и других церковных песнопений.

24 мая обещанная манифестация имела место. Собралось не мало народа. Церковная служба носила торжественный характер. Армянский епископ произнес приличествующее случаю слово. Общее умиление вызвала особенно истово молившаяся группа набожных грузинских меньшевиков, во главе с гг. Гегечкори, Чхенкели, Канделаки, Гваржалатзе и др.